

Малиновский Владимир Евгеньевич

**КЕрогазов –
город, нЕ чЕЛОВЕК**

Фантазия на заданную тему...

Тверь, 2014

**ББК 84Кр
М19**

М19 **Малиновский В.Е.**
Керогазов – город, не человек (Фантазия на заданную
тему...). – Тверь: «РЭД», 2014. – 142 с.

Все совпадения с реальными именами и событиями случайны.

Автор

isbn 978-5-903493-06-7

© *В.Е. Малиновский, 2014*

© *Оформление, Издательство ООО «РЭД», 2014*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СКВЕРноЕ проиСШЕСТВиЕ,

случившееся с Петром Петровичем Керогазовым после развесёлого празднования его собственного юбилея

Однажды утром Пётр Петрович Керогазов, человек солидный и уважаемый, главный бухгалтер производственного объединения «Резинстрой», производящего гофрированные канализационные трубы, проснулся с ТУПОЙ ГОЛОВНОЙ БОЛЬЮ. Головная боль Петра Петровича нисколько не удивила, поскольку вчера вечером вместе с сослуживцами он праздновал свой юбилей.

Как водится юбиляру, наливали из всех бутылок подряд. Особенно усердствовала в наполнении бокала Петра Петровича коммерческий директор «Резинстроя» Генриетта Ивановна Пегасина, которая была к своему главбуху равнодушна. Но Керогазов, к сожалению, не разделял её чувств. Из-за высокого роста и худобы коммерческий директор напоминала ему корабельную мачту, к тому же ещё и переболевшую оспой. Однако при всём при этом Керогазов побаивался Генриетты Ивановны, горячее сердце которой постоянно искало кого бы согреть, а если искомый предмет по недомыслию не воспринимал его теплоту – сжигало его беспощадно.

На юбилее Петр Петрович повёл себя не очень разумно. Он пригласил на танец сотрудницу коммерческого отдела Лену, пышные формы которой давно не давали ему покоя. Керогазова можно было понять. Он и собирался на собственном юбилее приударить за Леночкой, благо законная супруга его подобные мероприятия игнорировала. Однако, увидев, как взгляд госпожи Пегасиной из нежно-призывного превращается в застывший, змеиный, главбух оробел. По-

добно кролику, введённому в транс собравшимся пообедать удавом, Пётр Петрович устался в гипнотические глаза Генриетты Ивановны и тяжким, тягучим глотком выпил разом поднесённую ему гремучую смесь...

Керогазов посмотрел в зеркало. Общее впечатление от собственной физиономии можно было отобразить словами незабвенного русского классика, с любовью описывающего родную природу: «Пруд вспучился и посинл». Пётр Петрович потрогал чёрную шишку на лбу: «А это откуда? Ах да!» После бокала «ерша» его понесло... На фонарный столб, возвышающийся в центре кафе, рядом с художественно изломанной лавкой и пьяной собачкой из бронзы. Он ещё, кажется, что-то кричал. Что-то вроде: «Рано вы нас хороните! Мы ещё вам дадим прикурить!» При этом пышная Леночка и её подруга Лили смотрели на него как на полного идиота. А подлец Свистоплясов, кладовщик гофротары, ещё и подзуживал: «Верно-верно, Мурзил Мурзилич! Пламени от нас уже не дождутся, но дыму с копотью мы ещё дадим!» А потом он упал... Хорошо ещё, что не на пол, а на орущего внизу Свистоплясова. Головой, правда, стукнулся о собачку...

Вдруг голову Керогазова в месте удара прожгло как искрой. Перед его замутнённым взором явился протуберанец, напоминающий видом собачку из бронзы. Пётр Петрович невольно оцепенел. Он почему-то испытывал перед этой собачкой неизъяснимый, мистический страх. Однако, вопреки его ожиданиям, ничего не случилось. Протуберанец слегка посял, покивал головой и с громким хлопком моментально угас, дав дыму с такой чёрной копотью, что заволокло всё вокруг. Потрясённый Пётр Петрович усиленно затряс головой, пытаясь отогнать дурное виденье, по всей вероятности, навеянное словами подлеца Свистоплясова. Однако совершенно внезапно во рту его возникла какая-то странная, необъяснимая горечь. Понятно, если бы горечь отдавала железными подковами, настоящими на конском навозе, как это обычно случалось после доброй и славной попойки. Однако

она была настояна на чём-то ином, чертовски знакомом, но крайне неприятном на вкус.

Пётр Петрович провёл по нёбу языком, по шершавости напоминающим рашпиль, плюнул себе в ладонь и вдруг замер ошеломлённо: чёрный маслянистый плевок ударил в нос керосином. Керогазов скорбно покачал головой. Генриетта Ивановна превзошла самоё себя. В гремучую смесь, которую и язык-то не поворачивался назвать «ершом», она добавила что-то из горюче-смазочных материалов. Как будто Пётр Петрович был вовсе не человеком, а каким-нибудь трактором.

Однако плевать какой-то солярой на службе, как впрочем и дома, было негоже. И Керогазов взял в руки зубную щётку и пасту, надеясь с их помощью устранить столь необычные последствия весёлой пирушки. Но зубы почистить не удалось. В ванную комнату вошла супруга Петра Петровича Пиония Степановна Тараканова.

– Петя! Я платье себе вчера присмотрела, – улыбочиво сообщила она «приятную» новость. – Такое хорошенькое, в синий горошек... Ой! – Пиония Степановна вдруг всплеснула руками. – Петя, ты чем это новую раковину загадил?

Пётр Петрович опустил глаза вниз и... едва не выронил щётку. Белоснежный фаянс новёхонькой, недавно купленной по случаю раковины был заляпан всё той же чёрной и жирной солярой, слегка разбавленной пастой.

– Пегасина – сука! – не выдержав, взвыл Керогазов. – Солярой меня напоила!

– Соляра?! – удивилась Пиония Степановна. – Что такое соляра? Это такой экзотический чёрный ликёр?

– Дура! – в момент взбеленился Пётр Петрович. – На этом «ликёре» танки работают и трактора.

– Трактора?! – какое-то время Тараканова пребывала в напряжённом раздумье и вдруг... ужаснулась. – Петя! Тебе немедленно надо к врачу!

– Какой к чёрту врач! На работу мне надо! – с горячностью возразил Керогазов. – Квартальный отчёт на носу! Опять

же Андрею и Фене за день рождение надо водки поставить. Не сослуживцы – суки! Тьфу! – харкнул он в почерневшую раковину и, глядя на жирный, отдающий глянцем плевков, после секундного замешательства сдался. – Ну ладно... К врачу так к врачу...

Пётр Петрович по телефону предупредил сослуживцев, что он «слегка занемог» и идёт в поликлинику. Оделся. И, сообщив по дороге соседу Андрею Кряжу, что вечеринка их с Феней по случаю юбилея откладывается, вышел из дома.

Путь Кεροгазова на ближайшую трамвайную остановку пролегал мимо затейливой горки. Горка представляла собой голову сказочного богатыря, из раззявленного рта которого скатывалась на попках мелкая детвора. Сразу после постройки голова была хоть куда: нос обухом, глаза страшно выпучены, рот – нараспашку, как на приёме у зубного врача. Но богатырь оказался парень не промах. Неизвестно, с кем и когда он спутался под землёю, но стропила в носу у него вскорости рухнули и теперь на богатырской физиономии зияла дыра.

До сих пор, проходя мимо богатыря, Кεροгазов лукаво улыбался, мысля о его любовных подземных проказах, но сегодня богатырский провал произвёл на него впечатление ... деревенеюще-гипнотическое. Пётр Петрович сам того не желая остановился и, как зачарованный, вперил свой взгляд в зияющую космической пустотою дыру, как бы чего-то томительно ожидая. И вдруг... Из пронзительно-чёрной дыры... полыхнул оранжево-красный, обжигающе-яркий ПРОТУБЕ-РАНЕЦ! Протуберанец в мгновение ока превратился в собаку, и... огненно-рыжая злая как чёрт собачонка с неистовым лаем набросилась на Кεροгазова.

Тут нужно отметить, что Пётр Петрович был человеком неробким и в обыкновенное время на подобную шавку не обратил бы никакого внимания. Но что-то сегодня с ним было не так. Не так, как обычно... Он испытал вдруг панический

ужас перед этой рыжей дворнягой. Чёрт знает уж почему, но мнилось Петру Петровичу, что это ожившая бронзовая, та самая, о которую он давеча стукнулся головой. И снова страх ледяною иглою пронзил его сердце. Он закричал, почему-то по-бабьи, тонко и жалобно, и, провожаемый удивлёнными взглядами случайных прохожих, кинулся со всех ног наутёк.

По счастью, от остановки, к которой изо всех сил бежал Керогазов, в это самое время отправлялся трамвай. Спасительные дверцы его, слегка прихватив полы беглеца, захлопнулись и отсекли от него огневую собачку. Однако впопыхах Пётр Петрович сел не в пятый номер, идущий в его поликлинику, а в девятый, конечной остановкой которого была нефтебаза.

В трамвае Керогазов слегка подостыл. Досадуя даже не на собаку, а на себя самого за то, что он испугался какой-то мелкой дворняжки, Пётр Петрович уже собирался выходить из трамвая, но вдруг почувствовал, что пьян угарно, по всей вероятности, со вчерашнего дня. Его внезапно бросило на какую-то миловидную даму, которой не за что было держаться в шатком вагоне. Пётр Петрович, сжимая трамвайный поручень крепкой волосатой рукой, не без игривости ей предложил: «Мадам, я уступлю вам СВОЙ поручень, но, если трамвай вдруг качнёт, я буду хвататься за вас». Однако миловидная дама не оценила галантности нетрезвого кавалера. Бросив на Керогазова убийственный взгляд, она попыталась от него отодвинуться, но тщетно: в трамвае была ужасная теснота. А Пётр Петрович продолжал приставать к миловидной попутнице: «Напрасно вы, дамочка, глазками своими стреляете. Вот так одна особа неосторожно стрельнула и что же...» – тут Керогазов сделал многозначительную паузу для того, чтобы окружающие оценили его остроту, – «Погреб пороховой взорвался».

Народ уже начал оборачиваться на «весёлые» реплики Керогазова. Все ожидали, что ещё ОТЧЕБУЧИТ этот забавник. И Пётр Петрович непременно бы отчебучил, да ещё как

отчебучил, но в этот самый момент к нему сквозь теснящихся пассажиров протолкалась толстая тётка-кондукторша. У тётки была объёмистая сумка на шее, в которой весёленькой стайкой плескалась серебристая мелочь.

– У вас, гражданин, карточка? Или билет будем брать? – добродушно спросила она Кεροгазова.

И тут обычно спокойного и выдержанного Петра Петровича будто бы подменили. Раскрыв свой широкий рот, он внезапно заорал так, что весь трамвай вздрогнул:

– Отойди от меня, сумчатое! Нет у меня ни карточки, ни денег!

Эта была наглая ложь, потому что и то и другое у Кεροгазова имелось. Но и этого ему показалось мало. Он вдруг прогудел на весь вагон подлым фальшивым басом: «Граждане! А ведь кондуктор у нас подставной! И билеты поддельные! Гляди-кось вот контролёр пойдёт – всех оштрафует!»

Трамвай настороженно замолчал, не зная, как ему толком отреагировать на подобную необычную новость. А Пётр Петрович не унимался, словно бес вселился в него. Он, очевидно, желая что-то сказать своей миловидной попутчице, слегка наклонился вперёд и из его раскрытого рта вылетел... чёрный сгусток, ляпнувший прямо на белоснежное платье.

– Гражданин! – взвизгнула дама без поручня. – Что вы себе позволяете?!

Но, кажется, Кεροгазов уже не соображал, ЧТО он сам себе позволял. Он развернулся к толстой тётке-кондукторше и с каким-то сладострастно-тяжёлым стоном заблевал самую кондукторшу и её дерматиновую сумочку со стайкой серебристой мелочи, устроив в ней настоящий потоп.

На этот раз тётка-кондукторша испуганно шарахнулась в сторону и принялась истошно вопить, что все нормальные алкаши пьют либо одеколон, либо политуру, а извращенца, который вместо обычных напитков употребляет тракторную соляру, она видит впервые.

Орала кондукторша так громко, что вагоновожатый немедленно остановил трамвай. И нужно сказать, что сделано это было вовремя, потому что тут началось нечто страшное

и совершенно необъяснимое. Пётр Петрович опрокинулся навзничь в освобождённое испуганным пассажиром кресло, выпучил глаза, словно глубоководная рыба, выдернутая из морской пучины, и раскинул руки крестом. Ему вдруг стало очень и очень дурно. Он хотел было крикнуть «врача!», но вместо этого отрыгнул чёрной, остро пахнущей керосином жидкостью. И вдруг... из его судорожно раскрытого рта забил маслянистый фонтан. Народ в панике бросился в загодя раскрытые двери вон из трамвая.

Напор исторгаемой Керогазовым струи был настолько силён, что толстые трамвайные стёкла не выдержали и лопнули. Фонтан моментально вырвался на улицу и тут же разметал толпу суетливо бегущих по тротуару прохожих. Понеслись крики не на шутку напуганных горожан. А какой-то шутник вполпьяна бросил в маслянистую струю сигарету. Бедняга Пётр Петрович и вовсе стал похож на огромных размеров паяльную лампу, из которой с устрашающим свистом вырывался огненный столб. При этом каким-то непостижимым образом неистовое пламя пресекалось где-то посреди струи и не доставало до распахнутого рта Керогазова.

По счастью, в этот момент мимо трамвая проезжала пожарная машина. Сипло завыв, машина остановилась. Бойкие молодцы в касках и негнущихся робах горохом рассыпались по асфальту и, развернув брезентовую кишку, тугой струёй сшибли пламя.

Пожарные ещё не успели отъехать, как присутствующих снова ударил по ушам вой сирен. Возле трамвая, жутко заскрежетав тормозами, остановилось сразу несколько полицейских машин. Оперативно прибывшие стражи порядка быстро образовали живую цепь вокруг обезлюдевшего трамвая, из которого бил тяжёлый маслянистый фонтан.

...Выпученные глаза Петра Петровича смотрели на громадные цилиндрические ёмкости. Трамвай номер девять, в который Керогазова загнала собачка-протуберанец, прибыл на свою конечную остановку – нефтебазу производственного объединения «Резинстрой».

ГЛАВА ВТОРАЯ

СпЕКТаКль

на асфальтовой сцене

Минули сутки с момента заточения Петра Петровича Керогазова в злополучном трамвае. Всё это время из его настежь распахнутого рта бил чёрный фонтан. Возле трамвая образовалось уже самое настоящее, пахнущее соляной маслянистое озеро. Его, несмотря на ранний утренний час плотной толпой обступили зеваки. С каменными лицами, не произнося ни единого слова, они тупо смотрели на хлещущую по тротуару струю. Так или примерно так смотрит на новые ворота баран, возвратившийся с пастбища после ремонта забора. Но увлечённые невиданным зрелищем горожане не обращали внимания на то, что происходило у них за спиной, и совершенно напрасно. Там, на асфальтовой сцене разыгрался самый настоящий спектакль.

В самом начале его к стаду баранов-зевак вышли одетые в художественно-драные джинсы ОН и ОНА, представляющие один из столичных телевизионных каналов. ОН – с телекамерой, с ходу наставленной на чёрный фонтан. ОНА – с микрофоном, буквально прилипшим ко рту.

Следом за ними к трамваю подъехал автобус. Дверцы его со змеиным шипением отворились, и на асфальтовую сцену вышли мужчина и женщина в халатах разного цвета. Халат на мужчине был тёмный и пахло от него керосином. Халатик на женщине резал глаз своей белизной и источал аромат тонких духов вперемешку с лекарствами. Не обращая внимания на назойливых телевизионщиков, разнохалатные посетители прошли напрямиком к Керогазову. Что они делали там, никому совершенно неизвестно. Но уже через пару минут из вагончика вначале послышался сдавленный крик (кричали мужским баритоном), затем – женский визг. После чего из

раскрытых трамвайных дверей стремительно вылетели две жутко чёрных фигуры.

– Сволочь какая! Это он нас так нарочно облил! – мужским баритоном негодовала одна из фигур.

– Конечно, нарочно! – приятным, но несколько искажённым контральто подтверждала вторая. – Я этому хаму такое пропишу! Ему небо с овчинку покажется!

– Товарищи негры, – вдруг робко обратилась к солярно-чёрным фигурам одна до безумия безутешная дама. Она стояла, застенчиво теребя поясок очень милого платья в синий горошек. Это, конечно, была Пиония Степановна Тараканова, жена Керогазова.

Тут надобно повествование ненадолго прервать, поскольку настала пора рассказать о законной супруге Петра Петровича. Однако для того, чтобы этот рассказ был мало-мальски понятен, начать его нужно издалека: С ТУПОГОЛОВЫХ БОЛВАНОВ, НЕ ЦЕНЯЩИХ ДИВНУЮ ЖЕНСКУЮ КРАСОТУ.

Заштатный философ, некто Артур Шопенгауэр, нахально-самоуверенно утверждает, что женщины все некрасивы и даже корявы. Не верьте ему, милые дамы! Вы все до одной – Василисы Прекрасные! К примеру, мадам Тараканова, по мнению некоторых вот таких, с позволения сказать, «шопенгауэров» была не то чтоб корява, но... не очень красива. Действительно, лицо её было несколько плосковато, грудь – висловата, а живот выпирал, но как засмеётся, бывало, она звонким, залившимся смехом, а грудь её поддерживаемая специальным бюстгальтером, так соблазнительно задрожит, что вам немедленно захочется петь, плясать и... ЛЮБИТЬ!

Теперь позвольте о главном, почти сокровенном: фамилии этой приятной во всех отношениях дамы. Ну что тут скрывать? Когда бы и кто бы из нас ни произнёс «ТАРАКАНОВА», ему непременно хотелось приставить «княжна». Причина тому – картина известного живописца «Княжна Тараканова» с благородной девицей, которую в зарешеченном

каземате беспощадно топит вода. Громадную копию этого полотна Пиония Степановна исхитрилась разместить в своей тесной квартире. Как правило, гость или гостья, завидев картину, справлились: «Не родственница ЭТА вот Тараканова ТОЙ Таракановой, что висит на стене?» На это Пиония Степановна значительно отводила глаза, как бы давая понять, что эта картина находится здесь НЕСЛУЧАЙНО.

Ну что тут сказать! И в общем и в целом Пиония Степановна была очень достойная дама. А вот Керогазов, к великому сожалению, не всегда был достоин её. Не раз и не два, приходя в пьяном виде домой, грозился он утопить жену в грязном, засранном унитазе за неимением подземного каземата в малогабаритной квартире. Как он был неправ! Он не хотел понимать, что мыть унитазы (как впрочем и где-то служить, зарабатывать деньги) аристократкам никак не пристало. Нет, правда, вы только представьте себе одну из княжон дома... (да, впрочем, чёрт его знает какого там дома!) корщеткой отдирающей г-но с унитаза! Картина немислимая! Не вписывающаяся в какие-либо рамки приличия.

К достоинствам Таракановой нужно прибавить и то, что она любила одеваться КРАСИВО. Вот и сейчас Пиония Степановна предстала перед чёрными, точно солжара, фигурами в прелестнейшем платье в синий горошек, которое давеча приобрела в бутике. В связи с удачной покупкой она едва ли не сутки разыскивала своего пропавшего мужа со вчерашней зарплатой. И вот, наконец-то, нашла...

– Товарищи негры, – повторила мадам Тараканова, уже не теребя, а деря на себе поясок, – Мой муж будет жить?

– Жить будет, – угрюмо ответила ей чернокожая женщина, от которой воняло как от керосиновой лампы. – Здоровьем, видать, его бог не обидел. Всё нефтью вокруг заблевал. И нас в том числе.

– Так он блюёт нефтью?! – горестно изумилась Пиония

Степановна.

– И преотличной притом, – недобрым эхом откликнулся тёмнокожий мужчина и, как бы в подтверждение этого, зло плюнул чёрной и клейкой слюной.

– Позвольте! Как нефтью!? Из этой нефти можно делать бензин?! – затараторила вдруг телевизионщица в художественно-дранных штанах.

Но негр-мужчина лишь нервно оттолкнул от себя микрофон, загадив его керогазовской нефтью. Тогда вездесущая корреспондентка подсунула микрофон Таракановой:

– Вы как супруга... Э-э-э... ЧЕЛОВЕКА-ФОНТАНА! Будете эту нефть продавать?

– Продавать?! – малюсенькие глазки мадам Таракановой, по-видимому, от избытка эмоций почти что исчезли на плоском лице. Опущенные плечи поднялись, а ноздри хищно раздулись.

– А ну отойди от меня! – неожиданно заорала она на назойливую телевизионщицу так громко и яростно, что даже полицейское оцепление дрогнуло. После чего развернулась и решительным шагом куда-то направилась, как будто внезапно заторопилась по неотложному делу.

Однако из-за необъяснимо-поспешного бегства Пионии Степановны телевизионщикам работы не ubyло. Оператор без паузы перевёл телекамеру на уже подъехавший к трамваю автобус, на стёклах которого был наклеен плакат: «Гофрированные канализационные трубы скользки и удобны внутри. П.О. «Резинстрой».

Из этого автобуса вышла Генриетта Ивановна Пегасина в окружении своих подчинённых. К ней тут же подскочила девица-корреспондент:

– Скажите, почему Человек-Фонтан блюёт..., то есть фонтанирует нефтью именно возле нефтебазы объединения «Резинстрой»? А не возле какой-нибудь другой нефтебазы?

Генриетта Ивановна, не удостоив корреспондентку ответом, немедленно заморозила её ледяными глазами. Однако кладовщик гофротары Никита Сергеевич Свистоплясов не преминул вставить слово:

– Наш главный бухгалтер Пётр Петрович Керогазов блюёт нефтью по заданию трудового коллектива. У нас в «Резинстрое» сейчас временные трудности, и выbleванную нефть мы намерены продавать с этой базы.

Лили и Елена недоверчиво-удивлённо хихикнули. Пегасина зыркнула на Свистоплясова, после чего неожиданно отняла у замороженной корреспондентки чёрно-масляный микрофон и, как легавая след, стала его сосредоточенно нюхать.

– Действительно, нефть, – наконец подтвердила она. И вдруг, словно унтер-офицер на плацу, scomандовала своим подчинённым: «Марш все в автобус!»

Лили и Елена полезли в салон, из которого только что вылезли, но Свистоплясов осмелился воспротивиться:

– А как же... Я Пете чекушку принёс... Похмелиться.

– В автобус, Свисток! Он нефтью блюёт! А ты со своей чекушкой суёшься! – отрезала точно ножом Генриетта Ивановна.

Автобус взревел и, вздымая колёсами прах, умчал всю компанию во главе с комдиректором «Резинстроя». По-видимому, у внезапно уехавшей Генриеты Ивановны возникло не менее важное дело, чем у сбежавшей перед ней мадам Таракановой.

Спектакль закончился, но лишь для того, чтобы продолжиться завтра.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЧЕЛОВЕК-ПРЕЗЕВАТИВ

против человека-фонтана

На следующий день к Человеку-Фонтану (так в городке уже окрестили Петра Петровича) снова пожаловали телевизионщики в художественно-дранных штанах. Пожаловали и... заскучали.

Они оживились только тогда, когда в отдалении вновь замаячил автобус П.О. «Резинстрой». Автобус подъехал, однако по непонятной причине остановился на значительном расстоянии от нефтяного трамвая. Возникла тревожная пауза. Тревожились, правда, и поглядывали на часы лишь одни телевизионщики. Зеваки-бараны по-прежнему тупо смотрели на хлещущий нефтью трамвай, не ведая, что сейчас разразится грязный скандал. Но вот... Через пару минут среди зевак образовалась лёгкая давка, сопровождаемая небольшой потасовкой. Послышались крики и ругань. И из толпы, словно пробки из бутылок с перегретым шампанским, стремительно вылетели к полицейскому оцеплению три неизвестных, загримированных клоунами. Два клоуна были девицами в стрингах, безжалостно режущих их пополам. А третий – благообразный седой старичок в трусах с помещённой на них налитой бычьей мордой и надписью в области гениталий «RED BULL». Все трое немедленно выбросили над головами плакатик: «ЭКОЛОГИ КАТЕГОРИЧЕСКИ ПРОТИВ!»

При виде экологов в клоунском гриме, а также «КАТЕГОРИЧЕСКИ» протестующего плаката, телевизионщики их принялись рьяно снимать. А командир полицейского оцепления ухватился за рацию. По всей вероятности, переговоры по рации завершились успешно, поскольку минут через десять к трамваю подкатила машина. Из этой машины, как из тёплой норы, вылезли два представительных хомяка, которым поли

цейские отдали честь. И тут по неслышной команде незримого режиссёра экологи начали громко скандировать: «Категорически требуем нефтяную помойку убрать! Мы не хотим умирать!» По-видимому, для того чтобы подчеркнуть неистовое желание жить, а не умирать, девицы-экологи на себе рванули бюстгальтеры. А старенький дедушка начал скакать, точно горный козёл. Телевизионная камера поочерёдно впивалась то в прыгающие упругие груди девиц, то в дрыгающую в такт гениталиям дедушки свирепую морду быка. Корреспондентка, как сумасшедшая, тараторила в микрофон. Пригалстучные, представительные хомяки побурели.

И в этот кульминационный момент над хомяками внезапно воздвиглась «корабельная мачта». Коммерческий директор П.О. «Резинстрой» настойчиво-мягко им что-то внушала, перстом указуя на серебристосияющие на полуденном солнце резервуары нефтебазы П.О. «Резинстрой». Перекалённые хомяки её слушали очень внимательно. Непродолжительная беседа закончилась рукопожатиями, улыбками и всеобщим киванием. После чего хомяки с Генриеттой Ивановной укатили неизвестно куда. За ними как-то неожиданно тихо, почти незаметно слиняла и банда экологов.

Вернулась Пегасина лишь через час. Надменно и гордо она протянула начальнику полицейского оцепления листы, сплошь истырканные машинописными буквами. Похоже, что текст, напечатанный на этих листах, был вырван из увлекательного романа, поскольку, читая его, офицер едва не дырявил бумагу глазами. А, прочитав, он отдал Генриетте Ивановне с уважением документы и... честь. Она ему благосклонно кивнула и повернулась к автобусу, чтобы дать приказ своим подчинённым, но в этот момент комдиректора кто-то робко спросил:

– Простите... А вы не из администрации города?

Перед Пегасиной стояла Пиония Степановна Тараканова. Одной рукой она застенчиво теребила поясок на платье в синий горошек. Другой как стальными тисками сжимала листы с синевшей на них гербовой печатью.

– Я, видите ли, жена Керогазова, – продолжила Тараканова в ответ на презрительное молчание Генриетты Ивановны. – Взгляните, пожалуйста. Вот справка о том что в случае недееспособности моего мужа я вправе распоряжаться совместно нажитым в браке имуществом.

– Это каким таким совместно нажитым имуществом? – наконец спросила Пегасина с высокомерием римлянки, говорящей с варваром-недотёпой.

– Нефтью... которой блюёт мой муж... – не совсем уверенно ответила Тараканова.

Генриетта Ивановна разразилась демоническим хохотом. Отхохотавшись, она ткнула в нос Таракановой бумагу с гербовой печатью.

– Вот соглашение! Между администрацией города Резинстрой и производственным объединением «Резинстрой»! – провозгласила она, подобно глашатаю, доводящего до сведения презренной толпы высокое повеление Священного Императора. – В соответствии с ним город Резинстрой обязуется ОПЛАЧИВАТЬ производственному объединению «Резинстрой» работу по утилизации отходов жизнедеятельности Петра Петровича Керогазова, бухгалтера производственного объединения «Резинстрой»!

Пиония Степановна стояла ни жива ни мертва. Внезапная догадка буквально оглушила её.

– Ты Пегасина! Генриетта Ивановна! – вдруг визгливо закричала она, как базарная торговка, пеняющая своей вороватой товарке, – Мало того что ты моего Петра Петровича на его же юбилее споила! Так ты и блевотину его присвоила! Ну, погоди! Я тебе покажу!

Слёзы бессилия и злобы вскипели на глазах Таракановой. Она рванула на себе поясок и, швырнув его наземь, зашагала прочь от трамвая.

– Прощай, дура! – Пегасина проводила Пионию Степановну уничижительно-насмешливым взглядом, после чего повернулась к автобусу и страшно закричала: – Давай!

Из микроавтобуса, вероятно, с испугу немедленно выпали Свистоплясов, Лили и Елена, а также... какая-то грязная тряпка. У Свистоплясова, Лили и Елены лица были в цветных полустёртых разводах, как у клоунов, в спешке снимающих грим. А на развернувшейся при падении тряпке читались два полуслова: «ЭКОЛ...» и «КАТЕГОР...». Пегасина подхватила скандальную тряпку-плакат и ловко швырнула её обратно в салон. «Давай!» – закричала она ещё более страшно.

Елена в момент развернула жутчайшего вида костюм химзащиты, который держала в руках, и вместе с Лили стала споро напяливать его на Свистоплясова. В мгновение ока Никита Сергеевич превратился в громадный презерватив в окулярах-очках. «Давай!» – снова гроыхнула Пегасина.

Гигантский презерватив, как будто пришедший на землю из ирреального мира, зашевелился, подавая признаки жизни. Он взял у Елены гофротрубу с болтающимся на её конце непонятого назначения набалдашником и сделал неуверенный шаг к нефтяному трамваю, но... тут же был сбит тяжёлой нефтяною струёю. Какое-то время Свистоплясов лежал неподвижно, но к жизни его вернул безжалостный окрик Пегасиной: «Поднимайся, Свисток! Иначе я тебе все твои пьянки припомню!» Как опрокинутый жук, почувявший приближение смертельной опасности, Никита Сергеевич зашевелился. Он медленно встал и зигзагообразно, старательно уворачиваясь от мощной, прицельной струи, пошёл к нефтяному трамваю.

Уже через пару-тройку минут в окошко трамвая ударил сноп масляных брызг. Это Никита Сергеевич закреплял на физиономии Керогазова загадочный набалдашник, оказавшийся гофрированным специальным намордником. Сноп брызг вдруг пресёкся, и гофротрубопровод, в который переходил специальный намордник, задрожал от напора. Нефть, исторгаемая Керогазовым, устремилась в нефтехранилище П.О. «Резинстрой».

Так скромный кладовщик гофротары, облачённый в костюм Человека-Презерватива, подобно былинному герою, укротил Человека-Фонтана.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

КаФЕ «ШЕР аМи» –

заведение насколько возвышенное,
настолько и приземлённое

Этот бурный, насыщенный событиями день сотрудники П.О. «Резинстрой» закончили в кафе «Шер Ами». Они, как и многие постоянные посетители этого заведения, любили его по двум совершенно разным причинам. Одна из них была прозаической и приземлённо-житейской: здесь неплохо кормили. Другая – напротив, поражала воображение своей глубочайшей духовностью и заключалась в неповторённом нигде мистическом интерьере кафе, в который удачно вписалась бухая собачка из бронзы.

Собачку слепил Андрей Кряж, местный скульптор-художник, а также (как он сам утверждал) потомок осевших в «Резинстрое» варягов. А конуру для собачки (так скромно именовали кафе) создал выходец из далёкой Эллады Феофан Феофанович Грек, или попросту Феня.

Кряж был светел, как день, а по стати – приземист и крепок, как комель столетнего дуба. Во хмелю становился он не то чтобы буйным, но драчливым и дерзким, а также ваял таких несуразных и пьяных зверей, что все только диву давались.

Грек напротив, был чёрен, как ночь, длинен, тонок, как церковная свечка. Во хмелю он немедленно впадал в меланхолию, рисовал лунный кратер, а в нём – удивительных, странных людей, похожих на колеблемые ветром тонкие, гибкие ветлы с глазами влюблёнными, жаркими, дикими.

Примечательно то, что, вместе работая над интерьером кафе, эти разные люди сумели объединиться в творческом запойном порыве. Возможно, причиной тому был некий солидный дух, витающий среди непримечательных кирпичных

стен, корявая кладка которых напоминала скорее космический хаос, нежели житейский порядок. Подобно мифическому герою, оживившему статую, эти неординарные люди оживили кафе, вдохнув в него яркую жизнь.

Однако дыхание мастеров, к сожалению, оказалось не трезвым, и это на интерьере кафе оставило свой отпечаток. К примеру, кое-кто из его посетителей, едва вступив в зал, настолько поражался диким взглядам настенных, нещадно раскачиваемых ветром деревьев-людей, что моментально пьянел. Сомнения некоторых служащих заведения, по недомыслию утверждающих, что этот посетитель «нажрался на стороне, за углом», я категорически отмечаю. Известен случай, когда один совершенно непьющий и очень тонкий эстет так долго смотрел на «Мадонну» Великого Леонардо, что грохнулся в обморок. Диагноз врачей был: «От переизбытка эмоций».

В отличие от этого хлипкого психоинтеллигента у заседавших в кафе сотрудников П.О. «Резинстрой» нервы были крепки, как канаты. Они пили пиво и даже не помышляли о том, чтобы хотя бы мимолётно взглянуть на «гибкие ветлы с глазами влюблёнными, жаркими, дикими». Беседа за столиком протекала неторопливо, спокойно, но... жёстко. Короче, собравшиеся резали правду-матку друг другу в глаза не взирая на лица.

– Какая вы молодец, Генриетта Ивановна, – безбоязненно резко говорила Елена начальнице – Как это вы... Хорошо организовали... И нас как экологов... И телевизионщиков подключили.

– Да-да! – открыто и прямо глядя в лицо Генриетте Ивановне, бескомпромиссно подтвердила Лили. – А самое главное, вы с администрацией города вовремя договор заключили. Отшили эту... Ну, как её?.. Тараканову. Конечно же, вы молодец!

Последние слова неоконченной фразы застряли в глотке Лили, замороженной ледяными глазами Пегасиной.

– Да, я молодец, – после паузы холодно подтвердила она, – а вы... идиотки законченные. Зачем перед камерой вы бюстгальтеры с себя посрывали? Теперь ваши титьки по экранам телевизоров прыгают. Небось, это ты, Ред Буль хренов, девок спойл?!

При этих последних нехороших словах ледяные глаза Генриетты Ивановны переместились на скромно пившего пиво Никиту Сергеевича и начали морозить его. Однако Свисток оказался морозоустойчивым и немедленно отбрехнулся:

– А я им в глотку не заливал! Опять же трусы... Чем они-то плохи?! Для понта у внука их одолжил. «Ред буль»! – Свистоплясов значительно поднял палец. – Бабы балдели!

– Бабы? – желая загасить огонёк непокорности, глаза у Пегасиной источали уже арктический холод, но...

Но в этот самый момент слышались громкие, но не очень мелодичные звуки: какое-то бульканье, свист, пронзительный визг. Это на микроскопической сцене кафе налаживал аппаратуру смазливый мальчик-певец. Довольно скоро бульканье, свист прекратились. И мальчик запел под фанерно-электронный оркестр очень грустную песню о несчастном дельфине и не менее несчастной русалке, которые были «не пара». Певец пел так чувственно, как будто сам был этим несчастным дельфином.

Сотрудники «Резинстроя», забыв свои ссоры и споры, уткнулись в пивные бокалы. А Генриетта Ивановна, словно мореплаватель в сказке, околдованный песней сирен, и во все зачарованно внимала печальной мелодии. На бледных ланитах её расцвели нежнейшие розы, а ледяные глаза оттаяли и затуманились. Один лишь Никита Сергеевич Свистоплясов, плеснувший себе втихаря водки в пиво, ёрзал как на иголках. По-видимому, ему не терпелось что-то сказать. Едва песня кончилась, как Свистоплясов, словно ковёрный заполняющий паузу в цирке, немедленно выдал «остроумнейшую» репризу.

– А между прочим! – значительно произнёс он, разглядывая в бокале пиво цвета спелой мочи, – Как ни покажет-

ся странным, но эта грустная и, можно сказать, трагическая история вполне достоверна. Один молодой пингвин пытался изнасиловать заблудившуюся в айсбергах пожилую русалку, – тут Свистоплясов как бы совсем невзначай скосил глаза на насторожившуюся Генриетту Ивановну, но тотчас продолжил: – Русалка, вроде бы была и не против, но всё это происходило на льдине, стремительно тающей в результате глобального потепления. И они оба утопили не в силах освободиться от любовных объятий. Ну, в песне, конечно, эта печальная история слегка приукрашена. Пингвина романтично подменили дельфином.

Наполненные негой глаза Генриетты Ивановны полыхнули внезапным огнём. Нежнейшие розы на её щеках стали ярко-пунцовыми. Она порывисто встала, убийственно посмотрела на Свистоплясова и, не прощаясь, быстро направилась к выходу.

– П-дюк ты, Свисток! – не удержалась Елена, едва за Пегасиной закрылась зеркальная дверь. – Если бы не был ты дедушкой, я бы тебе морду набила!

Девицы с гадливостью посмотрели на Свистоплясова. Однако с того всё как с гуся вода.

– Подумаешь, мы какие обидчивые, – пробурчал Никита Сергеевич, обращаясь к колеблющейся и играющей зеркалами двери, – Как говорил мой мудрый начальник лет эдак сорок назад, если бы я знал, что от ЭТОГО получится ТАК, то непременно бы принял ПРЕЗЕРВАТИВНЫЕ МЕРЫ.

– Какие презервативные меры, Свисток? – презрительно пропищала Лили. – С тобой хоть с презервативом, хоть без. У тебя ж не стоит!

– Да-да! – в тон ей пробасила Елена. – Ты, дедушка, зашей себе лучше ширинку суровыми нитками.

– Белыми! – добавила масла в огонь разозлённая уходом Пегасиной Лилия. – В знак чистоты и невинности.

– А как же я того... писать буду? – для самого себя неожиданно смешался Свисток и почему-то растерянно посмо-

трел на бухую собачку из бронзы. Дворняга ему улыбнулась язвительной, подлой улыбкой.

– В штаны! – безжалостно добила Елена павшего на колени Никиту Сергеевича и тут же зачем-то добавила глухим, страшным басом. – Гляди допьёшься, Свисток. Скоро черти начнут к тебе приходиться.

Девицы вдруг разом поднялись и, не прощаясь со Сви-стоплясовым, направились к зеркальной двери.

Всеобщий исход из кафе сослуживцев совершенно расстроил Никиту Сергеевича. Он попытался, как это делал обычно, долить под столом контрабандной водки в пиво, отсчитывая граммы по «булькам», но от огорчения сбился со счёту и пиво пролил себе на штаны.

В таком опаскуженном виде щепетильный Никита Сергеевич даже не мог и помыслить, чтобы выйти из-за стола. Теперь он сидел словно прикованный к стулу и стылым, невидящим взглядом упирался в белёсую, отдающую саваном скатерть. Почему-то ему совершенно некстати вдруг вспомнилось, что он уже старый и скоро помрёт. Никите Сергеевичу стало нестерпимо жалко себя. Он тоскливо сморгнул набежавшую нежданно слезу, и тотчас в его голове всплыла зловещая фраза, произнесённая Леной: «Смотри, Свисток! К тебе черти скоро придут». Никите Сергеевичу внезапно представился чёрт, чёрный, как смоль, с помидорно-красным ртом, искривлённым в гримасе-усмешке. Холодной змеёй в его душу вползал гадкий страх.

– Землячок, угости сигаретой, – вдруг он услышал рядом с собой бодрый, жизнерадостный голос.

Свиштоплясов заторможенно-вяло взял со стола раскрытую пачку с пожеланиями «Минздрава» жить курильщику вечно и... почувствовал скверную тошноту. Сигарету схватили смоляные, чёрные пальцы...

ГЛАВА ПЯТАЯ

поТоМоК

абиссинских царей

Никита Сергеевич весь поджался, ожидая, что сейчас он со страшным грохотом провалится в ад. Он даже услышал запах серы. Но этот внушающий жутковатые опасения запах сопровождался чирканьем спички о коробок, а через пару секунд и вовсе сменился запахом табачного дыма. Свистоплясов робко поднял глаза и увидел доброжелательно улыбающегося ему молодого человека. Черты лица его были правильно-европейскими, но кожа живо напоминала свеженагуталиненный кирзовый сапог.

– Сынок! – наконец простонал совершенно потерявший себя Свистоплясов. – Ты же негр. Какие мы с тобой земляки?!

На гуталиновом лице «земляка» отчаянно блеснули белки:

– Отец, ты не прав! Во-первых, я – афророссиянин, а во-все не негр. А во-вторых, кто любит Великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина – тот и русский!

– А ты, значит, любишь? – недоверчиво продребезжал Свистоплясов.

Едва приметные чёрные брови на чёрном лице взлетели так высоко, как только могли, отвергая сомнения. Без приглашения африканский «земляк» сел за стол, разбуженным вулканом раскрыл красный рот и... полилась словесная лава.

Она изливалась не более двух-трёх минут. Однако за это время Никита Сергеевич Свистоплясов услышал стих из «Евгения Онегина» о дяде, который «не в шутку занемог», цитаты из «Капитанской дочки» о народном герое, разбойничке-висельнике Пугачёве, а также отрывок из

нерасчётливо-рискованной «Гаврилиады» Поэта, внушающей незначительные сомнения в том, что душа Александра Сергеевича пребывает в былинно-сказочном месте, в просторечии именуемом раем.

Никита Сергеевич слушал вполуха со школьной скамьи забытые строки и... потихонечку приходил в себя. Чёрт, превратившийся в афророссиянина-негра, хотя и называл его своим земляком, но, кажется, не внушал опасений.

– Ну что?! Я афророссиянин, в конце концов, или нет?! – словесное извержение кончилось (как впрочем и началось) совершенно внезапно.

Уже окончательно пришедший в себя Свистоплясов продребезжал доброжелательно-радостно:

– Сынок! Да, какой же ты афророссиянин?! Ты – русский! Родной! Я сразу в тебе признал земляка. Позволь я тебя расцелую!

После слюнявого обряда трёхкратного целования Свисток вытер губы рукой и спросил по-простецки:

– Сынок, а кем ты был в Африке? До того как стал русским?

Возможно, покажется странным, но этот довольно бестактный вопрос «земляка» не обидел. Напротив, на гуталиново-чёрном лице немедленно отразилось некое лукавое таинство, как будто бы он намеревался сказать своему собеседнику нечто такое, что должно было его сразить наповал.

– Я... – тут чернокожий «земляк» Свистоплясова гордо выпятил грудь и ноздри страшно раздул (куда там Коньку-Горбунку). – Я – потомок абиссинских царей!

И в этот момент словно чёрт дёрнул Свистоплясова. Он двинулся резко, пытаясь поймать ускользающую от него четвертинку, и... потерял равновесие. Никита Сергеевич вместе со стулом грохнулся на пол. Шум получился великий. Все как один посетители заведения немедленно повернули головы к потомку абиссинских монархов. Тот, очевидно, очень до-

вольный, что его сообщение произвело в буквальном смысле этого слова оглушительное действие на присутствующих, тотчас приосанился и стал как бы выше и шире. Из состояния полубожественного самолюбования абиссинца вывел голос, простонавший из-под стола:

– Сынок! Помоги достать четвертинку. Закатилась под батарею. Падла!

По-видимому, абиссинские цари были не из чванливых. Потерянная четвертинка уже через несколько секунд была в руках Свистоплясова.

– А как же тебя, землячок, зовут? – с симпатией глядя на абиссинца, Свисток под столом с хрустом свернул винтовую головку.

– Александр Сергеевич.

– Надо же! Как и Пушкина! – порадовался Свистоплясов. – А папа, значит, у тебя – Серёжа?

– Нет, тоже Александр Сергеевич, – сходу ответил наследник абиссинских монархов. Но, заметив озадаченный взгляд Свистка, снова правдиво выкатил ослепительные белки. – Это потому что мы ГАННИБАЛОВЫ, прямые потомки Александра Сергеевича Пушкина.

– Вот как! – сдержанно удивился Свистоплясов. – И что же ты, брат-землячок, из своей Абиссинии к нам прикатил? Чай, учиться?

– Мстить!

При таком неожиданно жёстком ответе Никита Сергеевич дёрнулся и несколько даже одеревенел.

– И кто же тебя так обидел? – спросил он, после того как его одеревеневшие члены слегка размягчились.

Не меня, а моего родственника, Александра Сергеевича Пушкина. В Резинстрое живёт прямой потомок Жоржа Дантеса. Я даже в полицию поступил, чтобы его отыскать. Ты сможешь?

– Как же, как же... – согласно продребезжал Свистоплясов, сосредоточенно отсчитывая «бульки» наливаемой под

столом водки, – Вот только, сынок... С такой идиотской фамилией я что-то никого в нашем Резинстрое не припоминаю. Ты, африканский мститель, адресом, часом, не ошибся?

– Да он, гад, фамилию сменил.

– На какую?

– Его теперь зовут Никита Сергеевич Свистоплясов.

Гром, грянувший с потолка заведения, не произвёл бы на Свистоплясова такого потрясающего действия, как последнее сообщение земляка-афророссиянина. Бутылка, из которой он наполнял стакан под столом, нервно дёрнулась и второй уже раз за этот треклятый вечер штаны его обмокнулись. Ошеломлённый Никита Сергеевич только и мог произнести, по-идиотски растягивая слова:

– А-а-а... он не меня-я-л...

– Да я знаю! – с досадой махнул рукой чернокожий мститель. – Его дедушка в семнадцатом году фамилию сменил, чтобы его как графа не расстреляли... – он вдруг вскинул голову и с подозрением посмотрел на Свистоплясова. – А ты-то откуда знаешь?

Никита Сергеевич пугливо вильнул внезапно протрезвившими глазами и ничего не ответил.

– Свистоплясов! Никита Сергеевич! – вдруг с другого конца зала донёлся звонкий женский голос.

Чернокожий мститель страшно выпучил ослепительные белки, вперившись взглядом в обомлевшего от ужаса Свистоплясова. Жутковатую паузу, оборвавшую столь дружески протекающую беседу, нарушила крошка Лили, подошедшая к столику:

– Никита Сергеевич, – сказала она так, как будто совсем недавно рассталась со Свистоплясовым самым наилучшим образом, – ты мою сумочку здесь не видел? Да вот же она!

Лили подошла к стулу, на спинке которого висела забытая дамская сумочка, но вместо того чтобы взять её и уйти, уставилась зачарованно на красавчика-абиссинца. Под этим «невинно-вопросительным» взглядом африканский мститель порозовел и стал напоминать экзотический чёрный персик.

– Никита Сергеевич, может быть, познакомишь нас с этим симпатичным молодым человеком, – внезапно послышался нежный бас подошедшей к столу Елены, не пожелавшей дожидаться подругу на улице.

С едва приметной колкой усмешкой Свистоплясов взглянул на девиц и, неожиданно нагло ткнув чернокожего молодца в грудь, «представил»:

– Александр Сергеевич Ганнибалов. Потомок абиссинских царей, а также (по совместительству) близкий родственник Александра Сергеевича Пушкина.

Девицы уничтожающе посмотрели на Свистоплясова, полагая, что он над ними смеётся. Однако абиссинец скромно кивнул головой.

– А кем вы приходитеесь Александру Сергеевичу Пушкину? – после непродолжительной паузы спросила Елена.

– Праправнучатым племянником, – ответил застенчиво Александр Сергеевич Ганнибалов.

Теперь подруги и вовсе буквально пожирали глазами красавца. В ответ на нескромные взгляды девиц лицо «праправнучатого племянника» вновь разгорелось румянцем и стало похоже на какой-то совсем уже фантастический пунцово-агатовый фрукт. Никита Сергеевич не оставил вниманием смущение своего «земляка».

– Вот-вот, – он продребезжал осуждающе, – какой всё же эти абиссинцы ГОРЯЧИЙ народ, – и, как бы рукой отстраняя от себя вопрошающий взгляд Ганнибалова, тут же продолжил: – Я говорю исключительно об Александре Сергеевиче Пушкине. Он был горяч и крайне не сдержан до женского пола. Примером тому служит исторический факт...

– Свисток! Ты опять начинаешь! – с негодованием посмотрела на вошедшего в раж Свистоплясова Лена.

– Я вас не звал! – в ответ отчеканил «Свисток». – Прошу не мешать мне беседовать с моим земляком!

Девицы изумлённо взглянули. Сначала – на белого, как берёза, Никиту Сергеевича. Затем – на чёрного, словно вы-

резанного из экзотического эбенового дерева, Александра Сергеевича Ганнибалова и... замолчали.

– Так вот! – продолжил теперь уже никем не удерживаемый Свистоплясов. – Пушкин пишет своему лицейскому другу Малиновскому, человеку военному, благородному и прямому: «Родя! Прошу тебя, приюти где-нибудь подле себя двадцать девок, которых я обрюхатил».

Девицы заулыбались кривыми улыбками. Абиссинец стал очень серьёзен и тотчас спросил:

– А что это за имя такое «Родя»?

– «Родя» – это уважительно Родион Яковлевич Малиновский. Так вот, Родион Яковлевич Пушкину письмом отвечает: «Ты, Сашка, подлец! Если ты мне ещё раз взвод беременных баб пришлешь, пристрелю тебя как собаку! Мне денег на водку не хватает и твоих баб кормить нечем!»

Тогда Пушкин ему снова – письмо. Дескать, ты, Родя, не сердись, а то у тебя все кишки переплетутся и пищеварение испортится. А беременных баб кормить не надо. Они сами себя прокормят...

– И прокормили? – нехорошо усмехаясь, перебила Свистка Лили.

– Прокормили, – согласно кивнул головой Свистоплясов. – Их Малиновский в свинарник отправил. Там они и выстрелили. Пушкинятами.

– Вот! – с облегчением заключил абиссинец. – Александр Сергеевич никогда никого не обманывал. А из чего они там стреляли? – спохватился он вдруг. – В свинарнике, что, пушки были?

Девицы сверлили Никиту Сергеевича холодными, жёсткими взглядами. Но Свистоплясов их как будто и не видел. Он хлопнул нахально чёрного мстителя по плечу:

– Я это к чему говорю. Охоч был Пушкин до женского полу безмерно. Но я справедлив! И Жору не защищаю! Хотя в Жорже Дантесе и текла холодная скандинавская кровь он был такой же похотливый кобель, как и африканский светоч

русской поэзии. Из-за чего они подрались? Из-за БАБЫ ! Да, этого г... – и тут Свистоплясов плавно обвёл рукой дугу, в которую, по-видимому, совершенно случайно чётко вписались сидящие напротив него Лили и Елена, и заключил, словно поставил жирную точку, – Как грязь!

В ответ на последнюю мерзкую реплику Свистоплясова Лили затаённо молчала, очевидно, обдумывая страшную месть. А Лена сказала с прямоотой, присущей лишь женщинам ранней Римской империи:

– Ты сволочь, Свисток! Убить тебя мало!

Но в этот не очень приятный момент приятный молоденький мальчик-певец завёл свою грустную песню о влюблённом в пожилую русалку пингвине, который трагически погиб вместе с нею в результате бурного таяния льдов. Под эту мелодию Никита Сергеевич и Александр Сергеевич пили водку на брудершафт. Последний, поражённый в самое сердце рассказом о нехорошем поведении своего прапрадеди, похоже, уже и не думал о мщении.

На этом, пожалуй, можно было бы и закончить рассказ о дивном, прекрасном вечере в кафе «Шер Ами», но есть один штрих, одна небольшая деталь, мимо которой просто невозможно пройти. Из вестибюля кафе сквозь зеркальную дверь, невидимая из зала за идиллической сценой «брудершафтного» распития водки, наблюдала «обиженная» Генриетта Ивановна. На каменном лице комдиректора «Резинстроя» как бы сама собой изваялась улыбка, настолько загадочная, что в сравнении с ней улыбка Джоконды показалась бы невинной гримасой младенца.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

иВан аЛЕКСандроВич павлов,

естествоиспытатель и Академик

Прошёл уже месяц, в течение которого Керогазов не переставал фонтанировать нефтью. Необходимо признать, что с точки зрения физиологии человека его положение было рискованным и даже опасным. Однако, на удивление всем за это время Пётр Петрович не только не помер, но...(если в подобной ситуации можно так выразиться) даже окреп. А беспрестанное изрыгание нефти для него уже стало чем-то привычным и даже необходимым, как, скажем, отправление естественных надобностей для обычных людей.

Как сам Керогазов привык к своему необычному положению, так и горожане привыкли к нему. Лежащая мёртво труба (в отличие от бушующего фонтана) настраивала обывателя на созерцательно – философскую мысль о том, что всё в этом мире будоражащее и даже бурлящее когда-нибудь стихнет и станет на удивленье спокойным. Однако вопреки ожиданиям зевак-горожан в наставшую возле трамвая привычную рутинную жизнь внезапно ворвался новый скандал. Начало же этого скандального дня было довольно обычным и почти что спокойным.

С утра Генриетта Ивановна деловито обследовала гофротрубопровод на предмет наличия течи. После чего был устроен разнос Свистоплясову, который оказался «не в форме». А заодно и попавшим под горячую руку девицам, опоздавшим к началу рабочего дня. В конечном итоге, отослав своих провинившихся подчинённых подметать территорию нефтебазы, Пегасина решила наконец отдохнуть: излить на приبلудную кошку свою душевную нежность, которую не востребовали мужики-дураки.

– Кис-кис-кис! – позвала Генриетта Ивановна свою любимицу, накладывая в консервную банку колбасных ошкурков.

– Р-р-р! – вдруг кто-то глумливо зарычал ей в ответ, – А собачек ты кормишь?! Зараза!

Пегасина подняла удивлённо глаза и увидела... Тараканову. «Охрана!» – с досадой закричала она, желая при помощи нанятых ею охранников удалить скандалистку. Но голос её прозвучал неубедительно тихо, поскольку в этот момент послышалось нежное «Мя-у-у!» К консервной банке, задрав хвост трубой, бежала пушистая кошка. Но... добежать, к сожалению, она не успела...

И чёрт её знает откуда взялась эта окаянная чёрнозеркальная автомашина. Мгновенье назад её ещё не было возле нефтяного трамвая. Но вот... она будто материализовалась из воздуха. И стоит. Передним колесом придавив кошке задние лапы. А кошка орёт. Исступлённо, истерично и жалобно.

Пиония Степановна, забыв о Пегасиной, от ужаса распахнула глаза и умолкла. Пегасина вовсе окаменела. Однако через секунду-другую лицо её исказилось гримасой страдания и боли. «Охрана!» – завопила она так страшно и громко, что перекрыла даже жуткие вопли придавленной кошки. На зов из теплушки, поставленной возле трамвая, не торопясь вылезали пузатые пенсионеры-охранники. Карающей рукой древнеримской богини Пегасина указала им на зеркальную автомашину, как бы желая превратить её в пыль. Пенсионеры послушно затрусили к машине, но... из ближайшего переулка торпедой вдруг вылетел микроавтобус. «Торпеда» остановилась возле нефтяного трамвая, и из открытых дверей её, как из сказочного ларца, посыпались крепкие, дюжие молодцы. В руках у них были бейсбольные биты...

Побоище продолжалось недолго. Трёх пузанов, которых из экономии наняла для охраны Генриетта Ивановна, приезжие уложили в момент, переломав им бейсбольными

битами ключицы и рёбра. Четвертый позорно бежал с поля боя. Потом была пауза. Не очень большая, но очень значительная. И вот наконец-то дверь чёрно-зеркальной машины бесшумно открылась и на всеобщее обозрение появился мужчина...

Мужчина был пухлым, и круглым, и, видимо, очень душевным. Казалось, сама доброта поселилась в лучистых морщинках вокруг его ласковых глаз. А мягкие, обходительные манеры только лишней раз подтверждали, что этот человек не обидит даже и муху.

Припухлые губы приятного человека сложились в приятной улыбке:

– Простите. По всей вероятности, вы Генриетта Ивановна Пегасина. Я рад познакомиться. Иван Александрович Павлов.

По-видимому, Генриетта Ивановна не разделяла ту радость, которую всем своим видом выражал Академик. Так звали этого доброго человека в не очень-то добрых криминальных кругах. Перед известным городским бандюганом она застыла степною каменной бабой, и лишь в глазах её затаилась почти непереносимая боль. Вместо неё осмелилась голос подать Тараканова:

– Иван Александрович, – испуганно прошелестела она, – а можно вашей машине с кошечки... съехать?

«Иван Александрович» взглянул на бессильно хрипящую кошку и вновь улыбнулся своей доброй улыбкой:

– А я-то в толк не возьму, что за кошка рядом орёт... Сёва, – он строго обратился к шофёру, – ты высадил меня в самую лужу. Протяни немного вперёд.

Сёва послушно «протянул». Лужа осталась позади. Кошка тоже. Однако теперь она представляла собой жуткое месиво из шерсти, крови и выпученных кишок. Машина раздавила её окончательно.

Иван Александрович укоризненно покачал головой, но пенять шофёру не стал.

– Пиония Степановна, – мягким округлым движением повернулся он к Таракановой, – позвольте ваш договор.

Пиония Степановна сделала шаг к Академику и, как бы боясь приблизиться к нему более, слегка наклонившись вперёд, не протянула, а вытянула струной свою руку с бумагами.

– Взгляните, Генриетта Ивановна, – показал Академик Пегасиной мелованный лист с разбежавшимися по нему машинописными строками и чёрной гербовой печатью. – Это абсолютно такой же договор, как у вас. Но он помечен более поздним числом. А это означает, что ваш договор с администрацией города уже НЕ ДЕЙСТВИТЕЛЕН.

Но Генриетта Ивановна не смотрела на красивый мелованный лист. Она не отводила застывшего от ужаса взгляда от вспучившегося кишками и шерстью кровавого месива. Внезапно она развернулась и резким, порывистым шагом пошла прочь от нефтяного трамвая.

...В одном из резинстроевских переулков коммерческого директора догнали её подчинённые. Они внимательно наблюдали за тем, что происходило возле нефтяного трамвая, и после внезапного ухода Пегасиной немедленно бросились следом за ней. Никита Сергеевич оказался расторопней других.

– Генриетта Ивановна! – окликнул он комдиректора.

– Тебе что, Свисток? – Пегасина говорила своим обычным, почти неизменившимся тоном, но в сторону, чтобы Свистоплясов не видел в глазах её слёз.

– Генриетта Ивановна, выпей! – Свисток вытащил из кармана дежурную четвертинку и до неузнаваемости измятый стаканчик из пластика.

Лицо Генриетты Ивановны отразило невольное замешательство, но это замешательство было секундным.

– Давай! – вдруг по-мужицки ответила она Свистоплясову и вытерла слёзы рукой.

Пегасина махом выпила в момент налитую водку и поблагодарила, отдавая измятый стаканчик:

– Спасибо, Свист... Спасибо, Никита Сергеевич, – затем, повернувшись к девицам, скомандовала по своему обыкновению: – Идите домой, мокро... Покуда не вечер. Что-нибудь да придумаем.

Пегасина тотчас ушла. Однако шагала она теперь не порывисто-нервно, а деловито-размеренно. Девы и Свистоплясов долго смотрели ей вслед.

– По-моему, она не простит, – наконец произнёс Свистоплясов.

– Кого не простит? Академика?! – презрительно пропищала Лили.

– Убьёт! – саркастическим басом «уточнила» Елена.

– Сказал не простит! – внезапным петушиным фальцетом закричал на них Свистоплясов. – А вы обе дуры!

Со злостью отшвырнув измятый стаканчик, он из горла допил четвертинку и так хряпнул пустую бутылочку об асфальт, что вокруг полетели только острые, стеклянные брызги.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ариСТОКраты

питейного заведения

За столиком в кафе «Шер Ами» беседовали Пегасина, Ганнибалов и Свистоплясов. Со стороны они живо напоминали французских аристократов, фрондирующих против хитромудрого Джулио Мазарини. На самом же деле, хотя их беседа и велась в высоком, выпрессованном «штиле», она была будничной и вполне прозаичной.

– Граф! – Пегасина обворожительно улыбнулась Никите Сергеевичу, – я вам, конечно, сердечно признательна за водку в жёваном стаканчике с хлебными крошками. Но, если вы будете спаивать дорогих моему сердцу людей, – она изысканнейшим жестом указала на бухого Александра Сергеевича, – я вас уволью.

– Позвольте! – Никита Сергеевич отвечал Генриетте Ивановне в том же ключе. – Вы полагаете, что два аристократа не могут даже пообщаться в кафе?

– Аристократы пиво с водкой НЕ ЖРУТ! – не выдержала роли Пегасина и, разозлившись за это и на себя и на Свистоплясова, решила на собеседниках сорвать свою злость. – Свисток! А здорово тебя Сашка-то разыграл с Дантесом и Пушкиным? Потомок абиссинских царей, – повернулась она к Ганнибалову, – ты где так врать научился?

– Ну почему же именно врать? – изобразил на своём лице возмущение Александр Сергеевич. – Мой папа, когда, ещё учась в Т-ском мединституте, обрюхатил мной мою маму, не раз говорил ей, что она будет воспитывать потомка абиссинских монархов.

– Воспитывать будет одна! – поставила в споре жирную точку Пегасина и, выдержав паузу, продолжила, но уже бесстрастно и холодно. – Ну вот что, дорогие мои алкаши,

потомки графов Дантесов и абиссинских монархов, с моей и, конечно же, Божьей помощью вы познакомились и, кажется, – тут она скептически посмотрела на пивные бокалы, от которых разило сивухой, – подружились. Займитесь теперь КНЯЖНОЙ Таракановой. Она в кафе как пить дать придёт – поискать кавалера...

Пегасина встала и сделала пару шагов по направлению к выходу, но вдруг, обернувшись, с усмешкой взглянула на абиссинца: «Ты, Сашка, сегодня будешь её кавалером!»

Никита Сергеевич долго смотрел на колеблющуюся после ухода начальницы дверь и, наконец, пробурчал своему собутыльнику:

– Провидица хренова. Как же, придёт. Держи карман шире!

На что Ганнибалов, упорно пережевывавший кусок одревеневшей тарани, невнятно, но одобрительно промычал, как бы полностью соглашаясь с приятелем.

Дверь поколебалась немного, поиграла зеркальными бликами и вновь отворилась. Кусок тарани застрял у Ганнибалова в глотке. А Свистоплясов пролил пиво на скатерть. Возле колеблющейся и играющей зеркалами двери стояла... КНЯЖНА Тараканова. Пиония Степановна оглядела зал заведения и напрямик направилась к столику... за которым сидел Ганнибалов.

– У вас здесь свободно? – спросила она, застенчиво теребя поясok на дивном платье в синий горошек.

Абиссинец немедленно встал и уронил свою гуталиново-чёрную голову в гусарском поклоне:

– Мадам! Вы окажете честь!

Тараканова села и тут же подчёркнуто углубилась в меню. Однако при этом она не переставала бросать мимолётные, но острые взгляды на красавчика-абиссинца. Последний на них отвечал с неистойвой, истинно африканскою страстью, безумно выпячивая грудь и белки. Никита Сергеевич неторопливо пил пиво и, глядя сквозь стену в невозможную даль, жевал в глубочайшем раздумье губами.

За столиком воцарилось молчание не то чтобы тягостное, но довольно неловкое. Потомок абиссинских царей поспешил разрядить обстановку:

– Мадам, разрешите представиться: Александр Сергеевич Ганнибалов.

Лицо Таракановой порозовело и выразило одновременно и недоумение и удивление.

– Александр Сергеевич Ганнибалов, – встрял в разговор не очень-то трезвый Никита Сергеевич, – дальний родственник великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. Поэтому у них в семье все – Александры Сергеевичи: и мальчики и девочки, и, немного «подумав», добавил зачем-то, чёрт знает зачем: – Александр Сергеевич Ганнибалов приехал в наш город для того, чтобы отомстить за своего прапрадядю, Александра Сергеевича Пушкина, и убить живущего в Резинстрое потомка Жоржа Дантеса.

– Но это же преступление! – ужаснулась вдруг Тараканова.

– Александр Сергеевич не будет меня убивать, – поторопился её успокоить Никита Сергеевич. – Мы оба весьма сожалеем по поводу крайне незначительного недоразумения, произошедшего между нашими дальними родственниками.

– Вы потомок Жоржа Дантеса? – по виду Пионии Степановны было похоже, что перед ней вживую восстал из праха сам граф Дантес с дымящимся после рокового выстрела пистолетом.

– Мои предки без промаха били в цель, – уклончиво ответил Никита Сергеевич, – и гордились своей фамилией. Но в далёком семнадцатом её, к великому сожалению, пришлось сменить на другую...

– Чтобы не расстреляли как графа, – услужливо пояснил абиссинец.

– И зовут меня теперь Никита Сергеевич Свистоплясов, с горечью в голосе представился «граф». – А, простите, как вас? Если не секрет? – обратился он к даме.

– Ах! Совсем не секрет! – с радостью откликнулась та – Меня зовут Тараканова Пиония Степановна.

Лица Ганнибалова и Свистоплясова выразили лёгкое душевное потрясение.

– Позвольте... А-а... Княжна Тараканова вам, часом, не родственница? – после значительной паузы в старинной манере осведомился Александр Сергеевич.

– Как вам сказать... – Пиония Степановна отвела жеманно глаза. – Как говорила мне моя покойная бабушка, мы, Таракановы, из очень древнего рода, но документы утеряны. Ах! – воскликнула она вдруг. – Я бы не пожалела никаких денег для того чтобы их восстановить!

Последнее эмоциональное выступление Таракановой произвело на Никиту Сергеевича глубочайшее впечатление. Он очень внимательно посмотрел на свою собеседницу и, кажется, даже ей что-то собирался сказать, но увы... не успел. Беседу прервал звучный голос с едва приметными надменными нотками:

– Позвольте спросить, это место не занято? – сидящих за столиком обводил глазами жгучий красавец-брюнет.

И тут с Таракановой произошло что-то не очень понятное. При виде брюнета она покраснела, как мак, и пролепетала, смущённо потупив глаза:

– Нет-нет! ЭТО место не занято!

Беседа увяла. Потомок абиссинских монархов был позабыт-позаброшен. Теперь Тараканова (о женская подлость!) украдкой поглядывала на красавца-брюнета. Однако брюнету было не до «мадам». Он заказал себе скромную чашечку кофе и, тотчас забыв про неё, стал томительно-нервно смотреть на входную дверь заведения. За столиком вновь разлилась тишина. Её неожиданно прервал Свистоплясов, решивший, по всей вероятности, «помочь» Таракановой.

– Позвольте представить ВАМ нашу милую даму, – он с дружелюбной улыбкой обратился к красавцу с оливковыми глазами. – КНЯЖНА Тараканова.

Пиония Степановна вся загорелась и скромно потупила взор. Физиономия красавца-брюнета искривилась в ехидной улыбке, которая... тут же пропала. Над столиком, как будто бы выросшее из-под земли, воздвиглось существо совершенно необычного вида. На существе был нежно-розовый шарф, обвивший грубую шею быка, и женская лёгкая блузка, которую распирали мужицкие плечи вразлёт.

– Испанский идальго! Дон Педро де Эстебано! Я рад вас приветствовать! Вас и ваших друзей! – напыщенно провозгласило загадочное существо и тут же деловито осведомилось: – Ты деньги, душка, принёс?

Красавчик немедленно съёжился и отрицательно покачал головой.

– У меня пока нету... ЛИЛИ.

– Как так?! – не церемонясь Лили придвинул стул к испанскому гранду. – Ведь карточный долг – это долг чести.

– Особенно для дворянина, – вставил слово Свисток, внезапно оказавшийся «другом идальго».

– Да-да! – тут же солидно поддержал его Ганнибалов. – Карточный долг непременно нужно отдать. Мой дальний родственник в Африке, который служил царём, под ножки трона подкладывал черепа своих карточных должников. Бывало, приводят к нему такого вот должника. А родственник мой – на троне. А трон – на трёх черепах. И только под четвёртой ножкой – бульжник. Мой родственник кротко эдак и спрашивает своего должника: «Ты деньги, душка, принёс?»

– А тот что? – с интересом спросил Свистоплясов.

– А тот ничего, – охотно отвечал ему родич царственного любителя карт. – Просто смотрит на черепа и трясётся.

– А где ваш родственник царствовал? – спросила Пиония Степановна, с интересом слушавшая рассказ абиссинца.

– В экваториальной Африке, – туманно ответил ей Ганнибалов.

– Никто не покушается на твой череп, дон Педро, – Лили осклабился в скверной улыбке. – Я даже готов простить тебе

долг, если ты... отрежешь все свои причиндалы и купишь себе приличную юбку.

У Пионии Степановны глаза полезли на лоб. Абиссинец стал очень внимательно рассматривать узоры на линиях обоях. И лишь Свистоплясов не потерял присутствия духа.

– Немедленно соглашайтесь! – внезапно брякнул он и доверительно придвинулся к красавцу-брюнету. – Это очень ответственно и даже почётно. Всё начинается с тяжелейшей операции по перемене пола. Затем – выбор мужчины, который бы вас оплодотворил. И вот вы зачали...

– У-у-бью! – заревел вдруг брюнет, хватая Свистка за грудки и отрывая от стула.

В кафе стало до безумия тихо. Все посетители с удивлением повернулись к красавцу-брюнету. Дон Педро затравленно оглянулся и отпустил Свистоплясова, который с треском приземлился на стул.

– За правду страдаю, – захныкал Никита Сергеевич, оправляя помятый пиджак. Он поднял налитый пивом бокал: – За демократию! За свободу сексуальных меньшинств! Пусть будет всё голубым! И кальсоны! И небо!

– Dreimal hoch! – почему-то по-немецки поддержал его абиссинец и пивные кружки с треском сошлись над столом.

Лили улыбался, причём очень паскудно. Дон Педро де Эстебано был в полном душевном размазе. Пиония Степановна смотрела на красавца-брюнета, как мать на нашкочившее дитя. Внезапно она встрепенулась, как будто ей в голову пришла какая-то мысль. Затем извлекла из сумочки толстый бумажник и стала усиленно в нём что-то искать. По всей вероятности, совершенно случайно из бумажника выпало несколько крупных купюр. Красавец-брюнет впился в деньги глазами и, судорожно сглотнув слюну, задуманно произнёс:

– Мадам... Разрешите на танец...

– Разумеется. Только вот музыки пока, к сожалению, нету, – улыбнулась Пиония Степановна.

Но словно кто-то невидимый сжалился над брюнетом. Фанерно-живая музыка вскоре заполнила зал. Смазливый мальчик-певец под неодошевлённый оркестр запел душевную песню. Но, видимо, песня чертовски надоела певцу, поскольку осиную талию «своей» нежной возлюбленной он частенько путал с ослиной. Брюнет обхватил Тараканову за округлую талию (совсем не ослиную) и повёл её в танце. Танцуя, кавалер говорил своей даме нечто взволнованно-страстное и прижимался к её вздыбленной специальным бюстгальтером полной груди.

«Денег хочет, гавнюк», – прокомментировал страстный танец Свисток.

Как только музыка стихла, дон Педро поспешно увёл госпожу Тараканову в вестибюль. Когда они возвратились, красавца-брюнета трудно было узнать. С самодовольным видом корсара, вступившего на палубу взятой на абордаж бриганитны, он подошёл к своему кредитору:

– Вот деньги, Лили! – надменно-презрительно процедил сквозь зубы дон Педро де Эстебано и жестом картёжника, предъявляющего бьющий всех козырей джокер, швырнул на стол несколько крупных купюр.

Зависла неловкая пауза. Все тупо уставились на купюры. И только Никита Сергеевич Свистоплясов тихо, но внятно сказал: «Видать, в штанах заваялись».

Лили сгрёб деньги в карман и молча, ни с кем не прощаясь, направился к выходу. Минут через десять ушли «подышать» княжна Тараканова и испанский идальго. Оставшись наедине с Александром Сергеевичем, Никита Сергеевич сделал добрый глоток из пивного бокала и, пожевав немного губами, раздумчиво произнёс:

– Ты знаешь, Саша, а Генриетта Ивановна всё же права. У этой бабы от денег пухнут карманы. Давай ей настрочим родословную.

На что Ганнибалов сделал не менее добрый глоток и согласно кивнул.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ гнЕздо

Т-Ской гуБЕрнии, кишашее

столбовыми дворянами

Где-то через неделю после того, как Пиония Степановна пообщалась в кафе «Шер Ами» с резинстроевскими «аристократами», её спозаранку разбудил телефонный звонок. Недоумевая, кого это чёрт принёс в столь ранний час, хозяйка сняла трубку.

– Алё! – ей на ухо задрезжал чей-то нагловатый старческий голос, где-то и как-то ранее, кажется, слышимый, – Имею честь говорить с княжной Таракановой?

– Простите... Я Тараканова... Но не княжна, – в растерянности пробормотала Пиония Степановна.

В ответ трубка булькнула, нетрезво икнула и снова задрезжала, теперь уже напористо-радостно:

– Простите, мадам! Но это ВЫ ошибаетесь, что вы не княжна. Я имею честь разговаривать с Таракановой Пионией Степановной?

– Да... – пролепетала «княжна», обалдевшая от гусарского напора неизвестного ей абонента.

– В таком случае имею честь вам сообщить, – голос «гусара» продолжал дребезжать, но приобрёл некую важность и даже торжественность, – что общество «Дворянское гнездо» Т-ской губернии обнаружило в чудом сохранившемся дореволюционном архиве документы, позволяющие с уверенностью утверждать, что вы из рода князей Таракановых, которые, в свою очередь, происходят от Рюриковичей.

То ли от неожиданности, то ли от волнения, но трубка выпала из рук Пионии Степановны и разбилась о блестящую ногу телефонного столика. Интригующая беседа прервалась.

Едва дождавшись открытия магазина, Тараканова бросилась покупать новый телефонный аппарат. Установив его, она целый день не выходила из дому, ожидая, что вот-вот телефон зазвонит и трубка снова заговорит хотя и слегка дребезжащим, но приятным ей голосом. Но проходил час за часом, а новенький аппарат не подавал признаков жизни. Тогда новоиспечённая княжна сама попыталась отыскать «Дворянское гнездо» через телефонную справочную. Но телефонистка, словно издеваясь над ней, сообщила номер какого-то загадочного общества имени Петра Ильича Чайковского. Номер Пионии Степановне ответил слащаво-тягучим голосом, чертовски похожим на голос Лили. Голос подтвердил, что это гнездо и дворяне здесь тоже бывают. После чего в телефоне зависла тихая пауза, которую плавно сменила дивная песня про голубую луну. Тараканова в панике бросила трубку.

К вечеру Пиония Степановна слегла с мигренью. Более того, вероятно, от огорчения у неё по всему телу разлилась желчь и она стала похожа на свежий горчичник. Телефон словно умер.

Звонок грянул на следующее утро. Ещё не проснувшись Тараканова схватила телефонную трубку и с радостным трепетом услышала в ней дребезжащий голос:

– Прошу меня извинить великодушно, княжна, за столь ранний звонок. Вы не могли бы сегодня зайти к нам в «Дворянское гнездо» для вручения вам документов, удостоверяющих ваше генеалогическое дерево... – тут голос прервался на продолжительный кашель, а после кашля незамедлил поправиться, – Я извиняюсь, княжна. Конечно же, древо.

– Адрес! Будьте добры, скажите, пожалуйста, адрес!.. – робко продышала Пиония Степановна в трубку.

На этот вопрос дребезжащий голос ответил не сразу. Он выждал немного, стеснительно кашлянул и мягко-застенчиво произнёс:

– Я извиняюсь, княжна. Там вывеска будет – «Собес». Пусть это вас не смущает. Собес, к сожалению, размещает-

ся в бывшем дворянском собрании по адресу... – и дребезжащий, застенчивый голос назвал наконец-то адрес «Гнезда».

У входа в Собес серыми мышками шныряли старушки. Среди них Тараканова смотрелась павлином, каким-то манером случайно залетевшим в курятник. Брезгливо косясь на старух, она в соответствии с указаниями дребезжащего голоса отыскала на втором этаже кабинет и уже собиралась в него постучаться. Однако внезапно обшарпанная дверь распахнулась и на пороге предстал... Александр Сергеевич Ганнибалов.

– Мадам! – лицо Ганнибалова отобразило живейшую радость от встречи. – Граф ждёт вас. Прошу без доклада.

– Княжна Тараканова! – навстречу переступившей порог посетительнице поспешил благообразный седой старичок. Он, не давая опомниться гостье, немедленно обнял её и трижды расцеловал. Затем, отстранившись, смахнул с глаз слезу и расслабленно произнёс:

– Мы с вами недавно встречались в кафе «Шер Ами», но всё же позвольте ещё раз представиться: граф Свистоплясов. Имею честь быть председателем общества «Дворянское гнездо» Г-ской губернии. Простите, княжна, за чувствительность, которая, может быть, и не уместна, но... – тут дребезжащий голос скорбно просел. – Нас, НАСТОЯЩИХ аристократов, осталось немного. И мы, к сожалению, не в чести. Взгляните хотя бы на мой кабинет. Ну разве достоин он предводителя дворянства губернии?!

Пиония Степановна несмело подняла опущенные долу глаза и тотчас увидела старенький стол-инвалид, который вместо оторванной левой передней ноги был вынужден опираться на грубый протез в виде чурки. Княжна покраснела. Перехватив её взгляд, граф гордо поднял свою голову.

– Поверьте, княжна, что я не стесняюсь своей нищеты! – проговорил он с достоинством царственной особы в изгнании. – Да, мы экономим на каждой копейке. Мы взяли в банке кредит под грабительские проценты, но... всё это ради ВЕ-

ЛИКОЙ цели! Мы скоро выкупим здание, в котором раньше размещалось дворянское собрание Т-ской губернии!

В конце довольно долгой тирады дребезжащий голос графа достиг такой высоты, что стал почти звонким и чистым, как песнь подлеца-соловья, который врёт, вожделенно призывая подругу. Тут граф замолчал, очевидно, сильно страдая. Но, мужественно отстрадав секунд эдак пять, он, как бы преодолевая себя, продолжал:

– Ещё раз простите, княжна. Слишком больно за наше дворянство. Поэтому я предлагаю перейти лучше к делу. Александр Сергеевич Ганнибалов, которого вы уже знаете, – мой секретарь... Саша, – вдруг по-простецки обратился граф к Ганнибалову, – будь добр, принеси документы, удостоверяющие родословную княжны Таракановой.

Потомок абиссинских царей моментально исчез, а через минуту на письменном столе-инвалиде лежал внушительный свиток коричневатой, косящей под пергамент бумаги. Со свитка на шёлковом красном «снурке» свисала большая, в пол-ладони, печать. Печать отображала гнездо, в котором кто-то кишел, по-видимому, столбовые дворяне. Гнездо осеняла крылами здоровенная птица неизвестной породы с громадным шнобелем-клювом. По кругу печати каймой пробегала витиеватая надпись: «Дворянское гнездо Т-ской губернии».

– Взгляните, княжна, – граф взял в руки свиток. – Вы из рода р-р-рр! – пивная отрыжка лавиной смела окончание фразы.

– Романовых? – робко переспросила «княжна».

– Романовы пускай сопли жуют! – вдруг ни с того ни с сего разозлился аристократ. – Вы из Рюриковичей!

Никита Сергеевич развернул перед Таракановой «пергамент»-бумагу. Вверху её значилось буквами-вензелями, как будто пришедшими из стародавних времён: «СИМ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ РОДОСЛОВНОЕ ДРЕВО КНЯЗЕЙ ТАРАКАНОВЫХ». Под вензелем являлось само это дре-

во. Дерево было громадным, всем своим видом внушающее трепет и уважение. На мощных корнях его, раскоряченных на бумаге в разные стороны, по-видимому, чтобы ни у кого не возникало сомнений, крупно значилось: «РЮРИКОВИЧИ». По дереву, словно по послеобеденному столу тараканы, расползлись князья, бароны и графы. А в самом верху его нагло торчал тупой и толстый отросток, означенный жирно: «КНЯЖНА ТАРАКАНОВА».

Пиония Степановна ошеломлённо разглядывала своё родословное дерево. Она от него смогла оторваться только через минуты две или три и тотчас обратила исполненный благодарности взгляд на Никиту Сергеевича. Но в этот самый момент открылась входная дверь и в кабинет впал (иначе и не скажешь) недавно отошедший по делам Ганнибалов. На абиссинце не было лица. Обычно чёрно-гуталиновая кожа его посерела, как давно нечищенный ботинок.

– Ваше Сиятельство... Депеша... Из банка... – голосом умирающего прохрипел Ганнибалов и дрожащей рукой отдал графу «депешу» с траурно-чёрной заставкой.

Свистоплясов в мгновение ока прочёл письмо и... обессиленно откинулся в кресло.

Всё пропало! – бормотал он потерянно – Всё пропало.

– Что пропало, граф? – робко спросила княжна, наконец-то сообразив, что на графа обрушилось какое-то тяжкое горе.

– Княжна, я уже имел честь сообщить вам, – медленно источал душевную горечь Свистоплясов, – что «Дворянское гнездо» взяло в банке кредит, для того чтобы выкупить это здание, в котором ранее размещалось дворянское собрание Т-ской губернии, – в голосе графа пробилась слеза – И мы почти выкупили его! – голос окреп. – Но... – снова ослаб – остался последний взнос в 999 тысяч рублей, которых у нас... нет. – Тараканова привстала со стула, намереваясь что-то сказать, но Никита Сергеевич остановил её решительным жестом. – Я написал письмо в банк с просьбой отсрочить платёж. Но пришёл отказ...

– Я дам денег! Дам! – внезапно вскричала княжна в душевном порыве.

– Помилуйте, княжна... Такая огромная сумма... – строго возразил ей граф.

– Нет-нет! Даже не говорите! – настаивала Пиония Степановна. – Завтра утром деньги будут у вас.

– Завтра утром... – на Свистоплясова нашёл задумчивый столбняк, – Завтра утром... – повторил он голосом почти бесцветным, однако при этом острым взглядом уколол стоящего подле него Ганнибалова.

Александр Сергеевич немедленно встрепенулся, подобно сказочному петушку, завидевшему вражескую рать, и сильным фальцетом прокукарекал:

– Ваше Сиятельство! Позвольте я курьера отпущу?

– Да-да! Ступайте, Александр, но недолго.

Абиссинец исчез. Прошла пара минут, в течение которых Свистоплясов рассказывал о своих мытарствах с банковским кредитом. Живописующий рассказ был прерван резким звонком. Телефон звонил нагло, нахраписто, зло, как бы желая окончательно испортить этот и без того несчастный день.

– Алё, – трубка легла на волосатое ухо аристократа, – «Дворянское гнездо» у аппарата.

Трубка сразу залаяла что-то, для Пионии Степановны крайне неразборчивое, но явно очень скверное и гадкое. Слушавший лай граф обмяк, словно проколотый шкодливой рукой воздушный шарик. Когда злобная собака, сидевшая в телефоне, умолкла, Никита Сергеевич очень медленно и как-то безнадежно-вяло положил трубку на место.

– Княжна, – после продолжительной паузы ватным голосом произнёс Свистоплясов, – Бог видит, как я вам благодарен за искренний порыв, но... не надо денег.

– Почему?! – Пиония Степановна даже привстала со стула.

– А потому, – голос графа твердел и наполнялся достоинством, – что деньги в банке требуют непременно сегодня и непременно до 12:00.

– Деньги будут, граф! Вы успеете в банк! – Тараканова решительно встала и направилась к выходу.

Пиония Степановна обернулась в течение получаса. Отдав Свистоплясову искомую сумму, она тут же уехала, поскольку граф торопился «везти деньги в банк». Однако граф деньги в банк не повёз. Буквально через секунды после ухода княжны дверь в кабинет распахнулась и на пороге предстала... Генриетта Ивановна.

– Где деньги, Свисток?! – грозно спросила Пегасина.

Её появление было столь поразительно неожиданным, что ошеломлённый Никита Сергеевич смог только ткнуть пальцем в объёмистый дипломат, ручка которого ещё хранила тепло руки Таракановой. И только тогда, когда уже Пегасина была возле выхода, он, совсем потерявшись, промямлил:

– А как же нам с Сашей?.. На пиво?..

– На пиво получите, – нежно улыбнулась ему Генриетта Ивановна и... захлопнула дверь.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Тонкая Связь

между божественной музыкой Моцарта и ковровыми бомбардировками некоего испанского города

Приобретение княжеского титула за огромные деньги явилось началом покупательской вакханалии Таракановой. Резон её был на удивление прост: великосветская львица обязана жить на широкую ногу. Теперь княжна день-деньской пропадала в дорогих бутиках, в которых сметала с прилавков совершенно ненужные ей безделушки. Здесь были статуэтки сладких пастушков и пастушек, столовые приборы, хрусталь, а также потраченные молью, но не утратившие от этого свою ценность ковры. Однако апофеозом этого вопиющего безумства покупок было приобретение княжной даже не вещи, а... человека! Пиония Степановна по сходной цене купила себе горячего, словно жаркое солнце Кастилии, испанского дворянина дона Педро де Эстебано.

Покупку идальго княжна Тараканова (по всей вероятности, не от большого ума) решила отметить визитом к своему бывшему или... настоящему мужу. И этот визит, начавшись помпезно и пышно, закончился скверно и даже скандально.

К полудню, когда поглазеть на невиданное зрелище собралась толпа как местных, так и приезжих зевак, к нефтяному трамваю белым лебедем подплыл «мерседес». Из «мерседеса» на свет появились княжна Тараканова в белом платье с кровавой розой на сердце и дон Педро де Эстебано в смокинг-костюме, окровавленном точно такую же розой. Дон Педро застыл словно статуя возле лебедя- «мерседеса». А Тараканова медленной, похоронной походкой поднялась в трамвай. Там, безнадежно скорбя, она возложила к раскоряченным ногам своего нефтяного супруга ДВЕ ЖЕЛТЫЕ розы. Вот тут-то как раз и случилась скандальная неприятность.

При виде двух жёлтых роз Пётр Петрович задохнулся от ярости и даже при этом пытался перекусить специальный гофрированный намордник. Однако намордник был крепок и устоял. А вот Керогазов стал раздуваться. Он дулся и дулся, как резиновый шар, и вскорости стал таким громадным, что заполнил собою едва ли не половину трамвая. Его страшно выпученные багрово-красного цвета глаза, казалось, прожигали насквозь Тараканову. Пиония Степановна окоченела от ужаса. Она бы и закричала «на помощь!», но, вплющенная в стенку трамвая безмерно раздувшимся телом супруга, не могла и дышать. Скорее всего всё бы это завершилось трагично, но тут у Петра Петровича, словно у перегретого парового котла, открылся предохранительный клапан. Нефть под громадным давлением рванулась из его ноздрей и ушей. Он сдулся. И Тараканова была освобождена из ужасного плена.

...Белый «мерседес» укатил, увозя перепуганную насмерть княжну и разозлённого не на шутку идальго. Однако этот визит не остался бесследным ни для Петра Петровича Керогазова, ни для ненавистной ему пары влюблённых.

Едва «сладкая» парочка возвратилась домой, как пылкий испанец едва ли не накинулся на Тараканову с кулаками. «На кой чёрт ей вообще понадобилось приезжать к Керогазову, тем более возлагать к его ногам ДВЕ ЖЁЛТЫЕ розы!» Как можно тупо не понимать (!), что Керогазова надо как зеницу ока беречь (!), что от него приходят ВСЕ ДЕНЬГИ(!), которые(кстати!) Пиония Степановна бездумно транжирит! На это «перепуганная насмерть» княжна заявила, что Педро пускай не суёт своё испанское рыло в её русский карман, что деньги от керогазовской нефти – её и тратит она их так, как желает, а что касается самого керогазова, которого она любит, любила и будет любить, то она и сама в состоянии позаботиться о его драгоценном здоровье, и в этой связи она собирается... собирается... выписать узкого специалиста из...

Тут Тараканова снова задумалась: откуда же «из»? Но, повернувшись вполоборота, вдруг увидела антиквар-

ный немецкий утюг. Утюг стоял так основательно, так презрительно-важно попирал широкой подошвой французский комод-рококо, что у Пионии Степановны как бы само собой вырвалось: «Из Германии!» При этих словах дон Педро схватился за голову, как будто Пиония Степановна тяжёлым немецким утюгом ударила его в самую маковку.

Как только идальго оправился от удара – ссора вспыхнула с новой силой. Дон Педро кричал, что немцы – мерзавцы, что они бомбили Испанию, что его дедушка из-за разногласий с известным диктатором был даже вынужден эмигрировать чёрт знает куда! Он предлагал выписать специалиста из Франции. Однако Пиония Степановна, глядя на легкомысленно-завитушный французский комод и сверхосновательный немецкий утюг, по-прежнему отдавала предпочтение немцу. Спор завершился решительной фигой, показанной русской дворянкой испанскому дворянину. Так возле нефтяного трамвая появился узкий специалист из Германии, которого звали Йозеф Штайнер.

Первая встреча немецкого специалиста и испанского дворянина была непростой. Неприятие всего германотевтонского у дона Педро было столь велико, что, едва увидев Йозефа Штайнера, он задал ему совершенно бестактный вопрос: «А не бомбил ли его дедушка во времена давно минувшей войны некий город в Испании, превращённый в руины?» На это герр Штайнер включил портативный магнитофон и под божественную музыку Моцарта тихо заплакал. Как ни покажется удивительным, но подобный «ответ» вполне удовлетворил дону Педро де Эстебано и без дальнейших с его стороны каких-либо возражений немецкий учёный был допущен к Человеку-Фонтану.

Тут надобно сделать небольшую ремарку, но лишь для того, чтобы несколько слов сказать о докторе Штайнере.

Область исследований этого учёного мужа была столь велика и столь уникальна, что в голове человека обыкновенного поместиться никак не могла. Она там ворочалась,

топорщилась и так распирала мозги, что тихо, но верно вела бедного обывателя к умопомешательству. Герр Штайнер считал земной шар полым и делал из этого удивительный вывод. Он полагал, что среди людей, живущих внутри этой полости, встречаются особи, запросто блюющие нефтью. И эту способность их можно развить и усилить. Свою фантастическую, выходящую за рамки возможного гипотезу масти-тый немецкий учёный в полной мере применил к Человеку-Фонтану.

Едва доктор Штайнер появился в трамвае, он приказал раздеть Керогазова и принялся его внимательнейшим образом изучать и рассматривать. Пётр Петрович от ужаса сжался в комок: возможно, Пиония Степановна, преследуя свои, неизвестные ему цели, подослала к нему извращенца. Но опасения Керогазова оказались напрасны. Немецкий учёный присел на поставленную для него табуреточку, включил портативный магнитофон и... тихо заплакал. Заплакал и Пётр Петрович. Он не мог не заплакать. Во-первых, ушло невыносимое, совершенно непереносимое напряжение, которое он испытал. А во-вторых, он услышал симфонию № 40 соль-минор великого Моцарта, которую очень любил. Пётр Петрович совершенно расслабился и... совершенно напрасно. Внезапно в прямой кишке он почувствовал сильнейшее, непереносимое жжение, как будто в задний проход ему влили раскалённый металл.

Вначале Керогазов окаменел, напрягся почти до невозможных пределов, после чего застонал... тяжело и протяжно. И этот стон от трамвая свинцовой волной покатился по городу. И до того он был странным и цепко хватающим за душу, что, только заслышав его, прохожие застывали столбом, затем горько плакали или... громко смеялись. А, почему это ТАК, толком объяснить не могли.

Когда стон затих, доктор Штайнер вынул из заднего прохода Петра Петровича хобот гигантской клизмы. С помощью этого псевдомедицинского инструмента он ввёл специаль-

ный стимулирующий раствор в Керогазова, заслушавшегося дивной музыкой Моцарта.

После экспресс-анализа выbleванной Петром Петровичем нефти герр Штайнер одобрительно потрепал его по щеке и сказал: «Такой кароший нефть нет даже у арап». Так Керогазов возненавидел всех германских учёных, считающих земной шар полым.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ СТОн

КЕрогазова,

вызывающий грусть и... веселье

В «кабинете», отсечённом от зала пыльной портьерой, заседали Елена, Лили, а также Никита Сергеевич и Александр Сергеевич. Они живо обсуждали недавнее жуткое происшествие, случившееся в небезызвестном трамвае.

– Вы только представьте себе! – со страхом в глазах отхлебнула пиво Елена. – Петра Петровича так ужасно раздуло, что он почти раздавил Тараканову.

– Надеюсь, она после этого хоть капельку постройнела. – скривила напوماженные губки Лили. – А то у неё талия как у ослицы.

– А ноги у Таракановой хером! – по дурости, спьяну, а, может быть, от большого ума вдруг «высказался» Александр Сергеевич.

Сравнение оказалось столь неожиданно жёстким, что за столом замолчали.

– Да, русский язык... Он богат выражениями... – в своё оправдание начал что-то бормотать праправнучатый племянник великого Пушкина, однако его перебила Елена.

– Ты молодец, Ганнибалов! – «похвалила» она абиссинца – В нашей компании был один только хам – Свистоплясов. Теперь появился второй.

– Да и сравнения у вас, Александр Сергеевич, – вслед за подругой едко проговорила Лили – У Таракановой ноги... КРИВЫЕ!

– Верно, кривые! – внезапно послышался голос незримой Пегасиной. – А ты Свисток – хам. Это от тебя Саша всякой дряни набрался.

Генриетта Ивановна вышла из-за доселе скрывавшей её тяжёлой портьеры. Свёрнутый трубою чертёж, который она

держала под мышкой, жерлом орудия угрожал Свистоплясову.

– Это когда и кому я хамил?! – попытался спасти своё жалкое ЭГО Свисток.

– Всем и всегда!

Выстрелом-фразой Пегасина буквально добила обычно ершистого Никиту Сергеевича. Он стушевался, зажевал смущённо губами:

– Ты бы и правда, Саша... того... пил бы поменьше или... закусывал больше...

Но Ганнибалов был, видимо, уже настолько нетрезв, что не внимал ни гласу друзей, ни голосу разума. Он неожиданно вытащил из кармана какую-то подозрительную консервную банку и под изумлёнными и даже испуганными взглядами сидящих за столиком ожесточённо всадил в неё загодя приготовленный нож. Банка была в одно мгновение открыта. Но вместо ожидаемого всеми аппетитного запаха шпрот или аромата тушёнки из-под безжалостно искромсанной крышки вдруг рывкнул могучий бас: «Выдь на Волгу: чей стон раздаётся...». После чего последовал душераздирающий стон. Стон выполз из банки, заполнил до предела кафе и через открытую форточку пролился на улицу.

Стон стих. Но вдруг в оглушительной тишине кто-то мерзко хихикнул. Затем захихикали ещё и ещё. И вскоре уже всё кафе надрывалось от смеха. Когда идиотский, пьяный хохот затих, все замолчали, стараясь не смотреть друг другу в глаза. И только Пегасина, не участвовавшая в этой безумной вакханалии смеха, с большим интересом рассматривала открытую консервную банку. Внезапно она подняла её так, чтобы видели все, и вслух прочитала: «СТОН КЕРОГАЗОВА» и далее «НОГИ ХЕРОМ». Владимир Иванович Даль». На банке, действительно, была нарисована баба с удивительно кривыми ногами.

За несколько месяцев, которые Штайнер успел поработать в известном трамвае, он часто беседовал с Таракано-

вой и в результате сумел её убедить заняться изготовлением этих весьма необычных консервов. Однако, не без сожаления, нужно отметить, что это ещё и не успевшее начаться-то дело едва не загубил жаркий спор, пожаром полыхнувший между испанцем и немцем. Дон Педро настойчиво предлагал на банках консервов разместить дорогую рекламу. Но Штайнер это предложение принял в штыки. Он утверждал, что жалостливый стон Керогазова вызывает у слушателя утончённое чувство вины и страдания, такое же точно, что возникает при чтении лучших произведений Фёдора Михайловича. А Фёдор Михайлович несовместим с какой-нибудь женской прокладкой, реклама которой возможна, но недопустима на банке. Немецкий специалист предложил на консервах разместить пословицы Владимира Ивановича Даля, который (по словам учёного немца) являлся его дальней роднёй. Пиония Степановна его поддержала и в пику испанцу поручила красавчику Ганнибалову заняться подборкой пословиц и поговорок. Праправнучатый племянник Александра Сергеевича Пушкина рьяно взялся за дело.

На первых же, сошедших с конвейера банках любопытствующий покупатель мог прочитать не только название необычных консервов «Стон Керогазова», но и КРЕПКУЮ русскую поговорку. К примеру: «Бздёх не схватишь, в жопу не впятишь». Или: «Нос – крючком, голова – сучком, жопа – ящиком». Или такую, блистающую в россыпи поговорок бриллиантом: «Скипидар в жопе запылал». По мере возможности (если позволяла тематика, как в метком сравнении «ноги хером») на банке поговорку сопровождала картинка.

Однако аппетит приходит во время еды и выпуск оригинальных консервов «Стон Керогазова» стал только началом больших перемен, затронувших как Человека-Фонтана, так и вагончик, в котором он обитал.

Загаженный нефтью трамвай был тщательно вычищен, вымыт и покрашен весёленькой краской. Железную крышу у него заменили стеклянной. А рядом с трамваем поставили

смотровые площадки. Цена на них колебалась в зависимости от того, в каком ракурсе зритель мог видеть распятого в специальном профилактическом ложе Петра Петровича Керогазова. Учитывалось также и время сеанса. Особенно дорого стоил просмотр процедуры клизмовставления. Вначале доктор Штайнер даже пытался протестовать против допуска зрителей на клизмовставление. Он мотивировал это тем, что немецкие специалисты к подобной публичности не привыкли. Однако определённая сумма, которую испанский идалго вручил немецкому доктору, немедленно выработала у последнего привычку к публичности. И, больше того, Йозеф Штайнер превратил процедуру клизмовставления в самое настоящее шоу.

Под рокот барабанов к трамвайчику церемониальным маршем, выбрасывая ногу на невероятную высоту, подходил герр Штайнер со своими подручными. При этом один из подручных держал перед собой на отлёте огромную клизму. Второй нёс физиологический стимулирующий раствор в зелёной стеклянной бутылки, размеры которой были также очень внушительны. Возле трамвайчика, словно на прусском плацу, воздух рублили команды. Все действия по вставлению в задницу Петра Петровича клизмы были строго регламентированы. На счёт «ein!» один из подручных герра Штайнера сдёргивал с Керогазова штаны. На счёт «zwei!» другой подручный вставлял хобот клизмы в задний проход Петра Петровича. Счёт «drei!» означал начало самой процедуры введения физраствора. В то время как физиологический раствор поступал в прямую кишку, багровевшего на глазах Керогазова крепко держали, поскольку от нестерпимого жжения он мог нервически дёрнуться и что-нибудь себе повредить.

В целях рекламы консервов, а также многоразовых дисков «Стон Керогазова», которые также стали производить, к Петру Петровичу провели микрофон. Теперь жуткий стон его при процедуре клизмовставления транслировался по установленным снаружи динамикам. Заслышав его, ста-

рушки крестились, сердобольные дамы картинно вытирали платочком слезу, а деловые люди сверяли со стоном часы. Герр Штайнер как истинный немец был пунктуален и клизмовставление проводил час в час, минута в минуту и даже секунда в секунду.

Реклама оправдала себя. Теперь звуковые консервы и диски шли нарасхват. Консервы, как правило, покупали в качестве прикольного сувенира и открывали в пьяной компании, чтобы... от души посмеяться. При этом крылатая русская поговорка служила как бы запалом для взрыва сумасшедшего хохота, который гремел, когда стон выпускали из банки. Смеялись, как бешеные. До упаду. До колик. Порой дело даже доходило до вызова «скорой». Но почему душераздирающий, призывающий к милосердию стон вызывал бурю смеха, медицина объяснить не могла.

Такие консервы и держала сейчас в руках Генриетта Ивановна.

– Ну что, Ганнибалов, потешился?! – Пегасина села и по-хозяйски сдвинула пивные бокалы к краю стола. – Порадовался как Тараканова пышным цветом цветёт. Ну, а теперь ближе к делу.

Она развернула на освобождённом столе принесённый с собою чертёж, который оказался планом города Резинстроя. Компания удивлённо молчала. И только Никита Сергеевич, попытавшийся показать, что «молодцу быть не укор», деловито спросил:

– Что, Генриетта Ивановна, город будем делить? Где будешь ты крышевать? А где мы?

На суровом лице комдиректора, словно солнечный луч на октябрьском, пасмурном небе, пробилась улыбка, но тут же угасла.

– Да, Свистоплясов, будем город делить, – бесстрастно подтвердила она – А для этого ты возьмёшь этот план и отнесёшь своему собутыльнику Чемоданову, который служит в земельной управе... – тут комдиректора уловила любопыт-

ные взгляды Лили и Елены. И после паузы сухо сказала, – Брысь вы отсюда, болтушки! И ты, Ганнибалов, иди...

Тайной, покрытою мраком, осталось то, о чём говорили Пегасина и Свистоплясов, оставшись вдвоём за столом. ВИДЕЛИ, как Генриетта Ивановна водила ногтём по плану города, что-то пытаясь втолковать своему собеседнику. ВИДЕЛИ, как Никита Сергеевич ей возражал. Но из их разговора никто НЕ СЛЫШАЛ ни слова.

После довольно продолжительной и, видимо, обоюдострой беседы Пегасина встала и направилась к выходу. Однако в дверях она столкнулась с каким-то мужиковатым медведем.

– Мужлан! Мог бы и женщину вперёд пропустить! – услышал весь зал её негодующий голос.

– Я пропустил бы. Только женщин что-то не вижу. – ответил ей мужиковатый медведь.

– Видал? – Свистоплясов легонько толкнул Ганнибалова, возвратившегося вместе с девицами, – Это Кряж с Феней Греком припёрлись, – и, заговорщицки подмигнув абиссинцу, поднялся, – Я сейчас.

Никита Сергеевич вернулся улыбчивый и весёлый:

– Кряж разозлился как чёрт на Пегасину и хочет вписать её в интерьер в виде русалки и голой. Хозяин уже разрешил – тут взгляд Свистоплясова упал на небрежно брошенный им же на стол план Резинстроя, – Пойду отнесу карту Фене. Он слёзно просил Пегасиной чем-нибудь титьки прикрыть.

– Свисток! – улыбнулась ехидно Лили – Тебе Генриетта Ивановна велела отнести этот план Чемоданову!

Однако Никита Сергеевич не удостоил её даже взглядом.

– Пойдём лучше, Саша, к Кряжу, – повернулся он к Ганнибалову, – а дамы пускай поскучают.

Никита Сергеевич и Александр Сергеевич ушли. Лили и Елена, действительно, заскучали. Их выручил мальчик-певец, который появился на сцене. Он даже не пел. Он

просил, умолял малыша «не стрелять в голубей!». В зале кое-кто замолчал, кое-кто перестал даже пить и жевать. Но внезапно в компании, где сидели теперь Ганнибалов и Сви-стоплясов, прогремел взрыв дикого хохота. Это абиссинец поставил на стол очередную банку консервов «Стон Керогазова» с пословицей Даля: «Генерал без звезды, что кобыла без...». Смех поутих, но тут же рванул резвый бас: «Выдь на Волгу: чей стон раздаётся». И послышался жуткий керогазовский стон. В идиотском: громыхающем хохоте, в момент захлестнувшем кафе, утонули и малыш-хулиган, и несчастные голуби, в которых «не надо стрелять».

Абиссинец, ставший центром внимания тёплой компании, одной дьявольски-чёрной рукой крепко сжимал устрашающих размеров мясницкий тесак, взятый заимообразно на кухне. Другой (как казалось ещё более чёрной) – искорёженную банку консервов «Стон Керогазова». На банке красовались генерал, сплошь облепленный звёздами, и... кобыла (вид сзади) с неприлично поднятым хвостом.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

КоСтёр,

превратившийся в бушующее пламя пожара

Наёмный скрипач играл так печально и жалостливо, что хотелось немедленно броситься на пол и зарыдать, орошая слезами свою горькую жизнь, а заодно и замызганную грязными подошвами напольную плитку. Однако в кафе «Шер Ами» никто не рыдал. Всё было спокойно и тихо и даже слегка скучновато. А в дальнем углу, где Кряж неделю назад нарисовал на стене Генриетту Ивановну, не торопясь пили пиво и лениво болтали Никита Сергеевич и Александр Сергеевич.

– И что же, видел этот план Чемоданов? – вопрошал Ганнибалов, разглядывая карту, которая прикрывала грудь голой русалки – Пегасиной.

– Да, видел. Он третьего дня сюда приходил.

– И что же ты ему поручил? Если это, конечно, не страшная тайна.

– Да, к чёрту! Какая там тайна? – небрежно отмахнулся Никита Сергеевич. – У нашей Пегасиной, видать, съехала крыша. Она захотела... – Свисток мордой воблы ткнул в карту города, – Она захотела... – внезапно промямлил Никита Сергеевич, в момент растеряв свою молодецкую прыть, и... затих.

С недоумением Ганнибалов взглянул на своего собеседника, затем поднял голову выше и... тут же поспешно её опустил. У входа в притихшее заведение стоял громадный сутуловатый мужик с коническим черепом, напоминающим бронированную орудийную башню. Как хищник, высматривающий себе жертву, он внимательными медвежьими глазами изучал собутыльников, которые беспечно болтали, до времени не замечая его.

Гнетущая тишина затопила кафе. И неизвестно, чем бы всё это закончилось, но дверь заведения вновь открылась и на пороге предстала Генриетта Ивановна. Коммерческий директор оценила обстановку с полувзгляда и тут же на ухо стала что-то нашёптывать мужику, у которого вместо головы была орудийная башня. По мере того как Пегасина что-то шептала, на грубое, точно вырубленное топором лицо мужика напознала усмешка. Такая усмешка бывает у зрителя в цирке, когда на арене появляются клоуны. Медвежьи глаза потеряли свой настороженный блеск и как бы укрылись под пещерными надбровными дугами.

– Ну, кажется, пронесло, – перевёл дух Свисток. – И чем это мы прогневали такого уважаемого человека, как Александр Иванович Швеллер? А может, он афророссияна никогда в своей жизни не видел?

– Как раз вот и видел, – возразил ему Ганнибалов. – Но в форме полиции. Я с этим авторитетом недавно по службе общался.

– А-а-а... – понимающе протянул Свистоплясов, но был заглушён жизнерадостной мелодией скрипки.

Скрипач, неприметно подошедший к Пегасиной, играл нечто конфетно-цветочное: про музыку, женщин и ещё какую-то хрень, которая по замыслу автора дивной мелодии всех должна до безумия радовать. Он вился вокруг Генриетты Ивановны, как корабельный канат вокруг мачты. И возжеленные чаевые уже были близки, но тут случился конфуз. В порыве восторга скрипач не заметил, как наступил комдиректору на длинную юбку. Пегасина выдрала подол у него из-под ног и, заморозив попрошайку ледяными глазами, направилась вслед за своим кавалером к столу.

Скрипач поутих и, казалось, надолго. Но через минуту он снова взорвался мелодией бойкой, беспокойно-бодрящей. В дверях заведения стоял полный мужчина с открытым и добрым лицом.

– А вот и Иван Александрович Павлов явился, – прокомментировал Ганнибалов появление добродушного посетите-

ля. – Сдаётся мне, Генриетта Ивановна устроила в нашем заведении стрелку. Пойдём-ка отсюда, Никита Сергеевич, подобру-поздорову.

– Я пиво ещё не допил – нахально ответил Свисток.

Пунцовые губы на чёрном лице искривились в ироничной усмешке. Однако перечить Никите Сергеевичу Александр Сергеевич не стал и тоже остался допивать своё пиво.

А между тем наконец получивший свои чаевые скрипач ушёл отдыхать, а за банкетным столом костерком неторопливо разгоралась беседа.

– Начнём! – напористо пробасил Александр Иванович Швеллер – Мы, Академик, с тобой порешили: что слева от трамвайных путей, то моё, что справа – твоё.

– Кто спорит? – покладистым баритоном подтвердил Иван Александрович Павлов.

– Тогда давай карту, Генриетта Ивановна.

Из сумки-планшета Пегасина извлекла план города Резинстрой и развернула его на банкетном столе.

На ЭТОМ, представленном собравшимся плане в отличие от ТОГО, который Пегасина передала Свистоплясову, имелась укрупнённая выноска нефтяного трамвая. Здесь был опунктуренный Пётр Петрович, который лежал по ЛЕВУЮ сторону от трамвайных путей, а значит, целиком принадлежал Александру Ивановичу Швеллеру.

Улыбка расплавила жирное лицо Академика и сделала его ещё более добрым и мягким. Он перевёл свой взгляд с плана города на Пегасину и неожиданно совершенно не в тему спросил:

– Я извиняюсь. Вы кошечку свою похоронили?

Недоуменное молчание прервало беседу.

– Да мой недотёпа-шофёр на её кошку наехал, – махнув добродушно рукой, пояснил Академик – Так Генриетта Ивановна плакала-плакала.

– Неужто разнюнилась?! – медвежьи глаза Александра Ивановича Швеллера смотрели одновременно и недоверчиво, и удивлённо.

– Рыдала! – подтвердил Иван Александрович Павлов.

Какое-то время Швеллер переваривал только что сказанное. Затем громыхнул на всё заведение басом:

– Вот дура! Кота бы себе завела! Вместо кошки! – и расхохотался.

Пегасина вспыхнула и вскочила со стула. Послышался треск разрываемой ткани, и Генриетта Ивановна оказалась... в цвета увядшей травы панталонах. Все как один посетители заведения разом уставились на неё, как будто никто из них в своей жизни никогда не видал дамских, цвета увядшей травы панталон. Пегасина и вовсе полыхнула огнём. Она выдрала свою многострадальную юбку из-под стула медведем сидящего на нём Швеллера и ринулась к выходу. Однако по пути её перехватил Свистоплясов:

– Генриетта Ивановна, у меня там булавка, – Никита Сергеевич торопливо вытянул руку к брошенному на стул пиджаку.

Пегасина шагнула к столу, за которым сидел Ганнибалов, но, подойдя к нему, внезапно остановилась, совершенно забыв о булавке. Она напряжённо смотрела на свой необычный настенный портрет. В тон интерьеру кафе Андрей написал её гибкой и тонкой и как бы танцующей в быстром течении реки. Глаза у русалки были жаркие, дикие и... очень блудливые.

Предполагая грозу, Свистоплясов и Ганнибалов угнетённо молчали. Но Генриетта Ивановна, будто не замечая портрета, вдруг указала на план, прикрывающий груди русалки и отдала армейский приказ: «Свисток! Дай сюда эту карту!»

Никита Сергеевич без колебаний содрал со стены планбюстгальтер и обнажил безнадёжно обвисшие русалочьи сиськи. Однако Пегасина не повела даже глазом...

Уже через пару минут приведённая в порядок Генриетта Ивановна, подобная кобре, грозящей смертельным укусом, воздвиглась над банкетным столом.

– Пожалуйста, взгляните на ЭТО, – сказала она с улыбкой змеи, до времени скрывающей яд, и положила на мертвенно-

белую скатерть ЕЩЁ одну карту города Резинстря. – На стенке висела. В кафе, – пояснила она между делом.

Братки за банкетным столом удивлённо разглядывали точно с неба упавшую карту. На плане Александра Ивановича Швеллера трамвайная ветка с вагончиком Керогазова хитромудро загибалась налево. На плане, принесённом Генриеттой Ивановной, вагончика Керогазова не было вовсе. А рельсы шли прямо, точно стрела. Они как бы оставляли вожделенный вагон на удачу: кто сильный – тот и возьмёт.

Усиленное разглядывание двух таких одинаковых и таких разных карт закончилось тем, что Швеллер внезапно побагровел и в упор посмотрел на Пегасину. Под взглядом рассвирепевшего хищника Генриетта Ивановна стала как-то тоньше и суше и глаза её побелели. Запахло серьёзной разборкой. Однако прилюдный скандал был нужен не всем, сидящим за банкетным столом.

– Смотрите-ка! – удивлённо воскликнул вдруг Академик, достаточно громко, чтобы его все услышали, но, как всегда, добродушно и мягко. – А карты-то подписал один человек. Какой-то там ЧЕМОДАНОВ.

Калёные глазки взбешённого Швеллера оставили в покое побелевшую Генриетту Ивановну и обратились к столу, на котором были разложены карты.

– Действительно, Чемоданов, – после минутного изучения подписей пробасил Александр Иванович.

– Да, надо бы этого Чемоданова пригласить. Пускай объяснит, почему это карты-то разные, – тотчас предложил Иван Александрович.

Послали за Чемодановым, а заодно и за его начальником, который заверил два означенных плана. Бить их особо не стали. Слегка только дали под рёбра. После чего согнувшимся буквой «Г» землемерам было заявлено, что им даётся три дня, для того чтобы возместить моральный ущерб, нанесённый двум уважаемым людям. Когда была названа сумма, в которую оценили ущерб потерпевшие, землемеры,

по-видимому, от изумления попытались принять вертикальную позу. Однако удары были повторены и они вернулись к прежней, почтительной.

Согбенные землемеры кое-как уползли. Беседа между двумя уважаемыми людьми, подобно похворавшему хворост костру, догорала.

– Так, значит, если Керагазов не твой и не мой, мы делим его пополам? – с угрюмой усмешкой спросил Академика Швеллер.

– Ну, дай мне подумать. До завтра, – улыбнулся ему Академик.

А «завтра» в городке Резинстрой прогремели два взрыва. Взрыв первый свернул машину Александра Ивановича Швеллера в очень красивую розу. Но в самый последний момент Александр Иванович по НЕЯСНОЙ причине пересел в другую машину. Второй взрыв разнёс роскошную вазу, стоящую у парадного входа в особняк Ивана Александровича Павлова. Однако по странному НЕСОВПАДЕНИЮ обстоятельств как раз в это время Иван Александрович покидал свою резиденцию через задние двери. А вечером в Резинстрое стреляли. Костёр еле тлевшей вражды между главными бандюганами города превратился в бушующее пламя пожара.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

«ОСЕННЯЯ РАДОСТЬ»

мадам Таракановой

На следующее утро после стрельбы в Резинстрое газеты жёлто-бульварного толка вышли с громадными фотографиями, ВОПИЮЩИМИ с первых полос. Однако центральное место среди фотографий занимала не свёрнутая в дивную розу машина Александра Ивановича Швеллера и не развороченная взрывом машина Александра Ивановича Павлова, а труп очень грузного человека, едва ли не в пару центнеров весом. И ПОД и НАД фотографиями жирного тела жирными буквами значилось: «УБИТ ПЕРВЫЙ ЗАМГЛАВЫ РЕЗИНСТРОЯ СТАНИСЛАВ ЛЕЩИНСКИЙ». И далее мельче, но ненамного: «Кто станет в сложившейся непростой ситуации мэром нашего города: Иван Александрович Павлов? Или Александр Иванович Швеллер?».

И вновь как ни в чём ни бывало в Резинстрое воцарилось спокойствие. Возможно, его принесло бабье лето с пронизанным солнцем багровым кленовым листом и стрёкотом внезапно оживших кузнечиков. Возможно, что причина затишья была прозаичней и вызвана тем, что братки меж собой помирились. Однако затравленный обыватель не верил ни браткам, ни обманчивой тишине, ни погоде. Со страхом поглядывая на плакаты, с которых ему улыбались соискатели кресла главы Резинстроля, короткими перебежками он пробирался в соседнюю булочную.

По всей вероятности, резинстроевский обыватель обладал даром предвиденья. Прошла всего пара дней после публикации фотографий, и город снова взорвался. Причиной тому послужила... новая шляпка мадам Таракановой.

Это была восхитительно-прекрасная шляпа. С большими полями, усыпанными фруктами-муляжами. Именовалась она

«Осенняя радость». С приобретения великолепного головного убора и начался для Таракановой тот очень памятный день. Довольная удачной покупкой княжна уже собиралась продолжить объезд бутиков на своём «мерседесе» цвета розового фламинго. Однако в открытую дверь магазина внезапно ворвались надрывные звуки похоронного марша.

Всезнающая и очень болтливая продавщица охотно поведала своей покупательнице, что это хоронят Лещинского, о котором писали газеты. А также и то, что покойный Лещинский являлся не только замглавы города, но и правой рукой Александра Ивановича Швеллера. И тут же продавщица прибавила с гордостью, что брат её тоже участвует в похоронах и что, собираясь на них, он с собой прихватил «не очень большой, но очень красивый» армейский гранатомет. Но дело, конечно, до стрельбы не дойдёт. «Что Швеллер – дурак чтоли? Он ни за что не пойдёт мимо особняка Академика».

Рассказ очень юной и очень несдержанной на язык продавщицы поверг Тараканову в шок. Она ненавидела дикие американские вестерны со стрельбой и погоней, а равно стволы и взрывные устройства, несущие смерть и огонь. Поэтому планы её моментально переменялись. Пиония Степановна на своём «мерседесе» рванула домой, но... через пару кварталов она уже сбавила скорость, поскольку доселе витающие в воздухе печальные звуки похоронного марша уже не будоражили её воображение и слух. Единственное, что Пионию Степановну теперь беспокоило, – так это... её новая шляпка. «Осенняя радость» то и дело соскакивала ей на глаза. Однако хозяйка снимать её ни за что не хотела. Как ей казалось, все встречные мужчины-водители буквально впивались в её новую шляпку, а значит в неё – Тараканову.

Два светофора Пиония Степановна кое-как миновала. На третьем новая шляпа устроила ей самую настоящую пакость. «Осенняя радость» упала своей хозяйке на нос, лишив её зрения напрочь. А дальше... Дальше произошёл самый

настоящий кошмар. Раздался стон за пределами сработавших тормозов и страшный крик попавшего в смертельную западню мамонта. Это пересекавший перекрёсток громадный соляровоз сделал отчаянную попытку уйти от атакующей его розовой машины-торпеды.

Посчастлию, розовый «мерседес» остался цел-невредим Пиония Степановна вновь гнала его в панике, забыв обо всём, стараясь как можно скорее уйти от страшного места. Однако соляровозу её спасение стоило жизни. Разворотив всю витрину, он въехал в модный дамский бутик (один из тех что были так любимы мадам Таракановой) после чего издал ещё один хриплый, умирающий стон и обессиленно завалился набок. Из его открывшихся люков хлынула рекою соляра, до тротуарных поребриков заливая проезжую часть.

А между тем с другой стороны Резинстря к образовавшемуся солярному озерку подползала колонна-змея с головой-катафалком. Непохоронно, по-праздничному в колонне пестрели венки: «Братан, мы тебя не забудем!», «Мы отомстим! Спи спокойно». (и снова всё тот же «братан»). Среди венков был один, неброский и совершенно несхожий с другими. Он мог бы вполне затеряться среди мишуры бумажно-мёртвых цветов, но нёс его лично Александр Иванович Швеллер. На скромном венке была канцелярски-скорбящая надпись: «Станиславу Флориановичу Лещинскому от администрации города Резинстря».

Колонна-змея проползала по улице торжественно-важно. Её голова-катафалк не обращала внимания ни на машинжучков, ни на людишек-букашек, которые ей уступали дорогу. И совершенно не верилось, что это движение что-то может прервать, но вдруг...

Но вдруг оркестр затих. На улицу пало молчание. Змеиная голова-катафалк замерла. Ползущая следом колонна застыла. Повсюду витало недоумение: что стряслось?! А возле катафалка уже полным ходом шло совещание, в повестке которого значился только один, но очень острый во-

прос: «Как обойти огнеопасный потоп, устроенный павшим соляровозом?».

На первый взгляд ответ на него был весьма незатейлив: свернуть на соседнюю улицу. Однако принять это «простое» решение было непросто. А дело в том, что на 2-й Резинстроевской (так называлась эта чёртова улица) как раз и размещался особняк Академика, который упоминала болтливая продавщица в разговоре с мадам Таракановой. Свернуть на другую, параллельную 2-й Резинстроевской, улицу также было нельзя, поскольку поворот на неё уже миновали, а следовать вспять катафалку было и смешно и грешно. Посоветовавшись, братки порешили всё же «свернуть». Во-первых, от поворота прошли каких-то десять-пятнадцать шагов. А, во-вторых, Академик, несмотря на свою «доброту», наверняка, устроил похоронной колонне засаду. А значит, идти по 2-й Резинстроевской было смерти подобно.

Тем временем Пиония Степановна очумело металась по городу. Она после жуткой аварии совершенно потеряла себя и никак не могла выбрать путь, чтобы избежать крайне нежелательной встречи с похоронной процессией. И вдруг Тараканову осенило. В ушах её, как благословенная мантра, зазвучали слова продавщицы из шляпного бутика: «ЧТО ШВЕЛЛЕР – ДУРАК ЧТО ЛИ! ОН НИ ЗА ЧТО НЕ ПОЙДЁТ МИМО ОСОБНЯКА АКАДЕМИКА». А следовательно, ехать Пионии Степановне надлежало именно мимо особняка Академика, по 2-й Резинстроевской.

Это решение сразу успокоило Тараканову. Правда, оставалась ещё одна заковырка. Со страху княжна заплутала в каких-то совершенно незнакомых ей переулках. Теперь она медленно выбиралась из лабиринта серых одноэтажных домов. Но вот впереди замаячила реклама знакомого дамского бутика. «Наконец-то!» – воспрянула духом Пиония Степановна, нажала на газ и шустро свернула на 2-ю Резинстроевскую. Внезапно в глазах её застыл... ДИКИЙ УЖАС! Над нежно-розовой мордой беззащитного «мерседеса» навис...

чёрно-аспидный, словно чёрт, КАТАФАЛК! Приступ дикого ужаса в мгновение ока сменился у Таракановой приступом паники. Вместо того чтобы ударить по тормозам, она нажала на газ. Розовый «мерс» рванулся вперёд и с грохотом врезался в ползущую по сплошной разделительной траурную автомашину. Раздался взрыв-выстрел пробитого колеса. А следом за ним... – шквал выстрелов по похоронной процессии из особняка Академика, мимо которого на беду Александра Ивановича Швеллера в этот момент проходила колонна...

Взрывы и выстрелы продолжались минут эдак с десять. После чего стало на удивление тихо. Слышались только слабые стоны и болезненный мат... Многие, правда, стонать-матюкаться уже не могли. Как и покойный Лещинский, они неподвижно лежали возле разбитого вдрызг катафалка. Здесь же сидел, прислонившись к пробитому колесу, и навеки уснувший Александр Иванович Швеллер. В самый последний момент, когда гроб с покойным Лещинским уже дал задний ход, он наорал на своих подчинённых, обозвав их всех трусами, после чего отдал последний в своей жизни приказ: «Двигаться по 2-й Резинстроевской, мимо особняка Академика!».

Солнце бабьего лета мягким светом озаряло окрашенный кровью бронированный череп покойного Швеллера и живую, на четвереньках стоящую подле него Тараканову. Её счастливо выбросило из машины во время удара. И теперь, после ужаса выстрелов, взрывов и криков, княжна мелко тряслась, не смея подняться с колен. А вместе с нею тряслась и пробитая пулей шляпа «Осенняя радость»...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ХиМЕра

немецкого специалиста доктора Штайнера

Пронизанный солнцем приветный денёк был в радость мадам Таракановой. Она то ласково шурилась на багряные, осенние клёны, то поправляла кокетливо свою очередную любимую шляпу цвета индиго, которая великолепно смотрелась на фоне синевато-прозрачного неба.

Пиония Степановна красовалась на подиуме, и взгляд её был устремлён на громадную полотняную гору. Гора колыхалась под ветром, точно живая. А в недрах её, просвеченных ярким, полуденным солнцем, угадывались силуэты гигантских, фантастичных фигур. Бок о бок с мадам Таракановой стояли и радовались солнцу... Иван Александрович Павлов (по прозвищу Академик) и... Генриетта Ивановна Пегасина.

– Сограждане! Дорогие друзья! – проговорил в микрофон Иван Александрович Павлов по обыкновению проникновенно и мягко. И эта проникновенность и мягкость, усиленная многократно динамиками, наполнила души запрудивших площадь людей добротой и любовью. – Сегодня у нас замечательный день, – продолжил Иван Александрович. – Мы открываем скульптурную композицию, посвящённую нашему земляку, почётному гражданину города КЕРОГАЗОВА Петру Петровичу Керогазову... – тут Павлов прервал свою речь и тихо спросил стоящую рядом с ним Генриетту Ивановну: – А кто это там, возле клёнов? С красивым радужным флагом?

– Так это петушки, Иван Александрович, – мило улыбнулась Пегасина.

– А-а-а... – неопределённо протянул Академик.

...Минул год после кровавого побоища на 2-й Резинстройевской. За это время произошло немало разных событий.

Важнейшим из них явилось, пожалуй, ВСЕНАРОДНОЕ избрание Ивана Александровича Павлова городским головой. «Избранию» нетрудно было стать всенародным, поскольку... Во-первых, Александр Иванович Швеллер (серьёзнейший конкурент Академика) во время проведения выборов был сильно занят. Он отдыхал на кладбище Резинстроя под очень красивой мраморно-чёрной плитой. А, во-вторых, избирательный штаб Ивана Александровича Павлова возглавляла талантливейший организатор... Генриетта Ивановна Пегасина. После бандитской разборки, приведшей к гибели Швеллера, она, в момент позабыв о своей раздавленной кошке и прочих, незаслуженных ею обидах, решила поговорить с Академиком «по душам» и, как всегда, не ошиблась. Иван Александрович с полуслова и полувзгляда выделял энергичных и умных людей и после беседы ПОПРОСИЛ Генриетту Ивановну возглавить его избирательный штаб. А после выборов, уже будучи городским головой, он без колебаний назначил её своим заместителем.

Первые заседания новоиспечённой администрации были посвящены возникшей в последнее время острейшей проблеме: единственное градообразующее предприятие П.О. «Резинстрой» стремительно приходило в упадок. И в этой связи в народе наблюдались раздрай и шатание. По инициативе Генриеты Ивановны Пегасиной был немедленно объявлен расширенный конкурс на лучшую идею по выводу города из грозящего ему кризиса. Стенографический отчёт одного из совещаний, на котором рассматривалась одна из подобных идей приводится ниже.

Присутствовали: городской голова Павлов И. А. 1-й зам. главы города Пегасина Г. И, жена-вдова (так в стенограмме) Керогазова П. П. Тараканова П. С., докладчик – немецкий специалист Й. Штайнер.

Й. Штайнер: «Meine Herrschaften! Суть моего проекта заключается в том что мы организуем «Керогазовпарк», в котором будут фонтанировать нефтью десятки и даже сотни таких как негг Керогазов. Всю эту нефть мы направляем в

другие города, которые в скором времени будут полностью зависеть от наших поставок. Деньги в Резинстрой хлынут рекой. А сам город скоро приобретёт статус экономической столицы страны, а, может быть, даже и мира...»

Павлов И.А. (прерывает докладчика) : «Доктор Штайнер, где вы найдёте столько новых Керогазовых?»

Штайнер Й. : «Предлагается взять сперму у нег Керогазов и оплодотворить ею несколько сотен frau».

Пегасина Г. И.: «И каких дур, Штайнер, ты собираешься оплодотворять?»

Штайнер Й.: «Frau ис арап. Са теньги.» (здесь и далее стенографистка приводит «натуральную» речь немецкого специалиста, видимо, потому что понимать его стали не все).

Пегасина Г. И.: «Откуда-откуда?»

Тараканова П. С.: «Из Арабии».

Павлов И. А.: «А почему не из Африки? Там дешевле?»

Штайнер Й.: «У арап самый кароший нефть».

Тараканова П. С. : «А как вы собираетесь (пауза). Брать сперму (пауза). У Петра Петровича?»

Штайнер Й.: «Посредством тоения. Кроме того сперму можно расщеплять, чтобы она хватил на большее количество frau. Так in Deutschland на фермах расводят индеек».

Техническая пауза. Тараканова П. С. падает в обморок. Вызванный врач приводит её в чувство.

Возобновление заседания.

Пегасина Г.И.: «Весь этот штайнеровский бред, Иван Александрович, нужно выбросить к чёртовой матери. Во-первых, ждать этого немецкого «Керогазовпарка» нам придётся лет сорок (столько было Петру Петровичу, когда он нажрался на собственном юбилее) . А, во-вторых, я теперь уже и не помню состав ерша, от которого Керогазову схудилось и он начал нефтью блевать...»

Павлов И. А. (прерывает докладчика): «Доктор Штайнер, есть слово на «х», которое очень точно характеризует вашу идею (Пауза). А чёрт! Забыл! (Пауза). Вертится на языке. Вспомню. Говори, Генриетта Ивановна.

Пегасина Г. И.: «Вот что я тебе скажу, Иван Александрович. Давай обратимся в МОК. Там, конечно, одни мерзавцы сидят: взяточники и казнокрады. Но есть там один человек неплохой (Пауза). Ну, если разобраться, то и он, конечно, свинья, но договориться с ним можно. Устроим в Резинстрое чемпионат мира по курлингу. Тут тебе и реклама, и туристы, и толчок для развития».

Павлов И.А.: «Я согласен, Генриетта Ивановна. Но чемпионат мира по курлингу будет не завтра. Нужно сделать что-то сегодня, сейчас. Помнишь, как раньше гордились: «Я резинстроевец! Я делаю гофрированные, канализационные трубы для ВСЕЙ страны! А сейчас (Пауза).

Пегасина Г. И.: «А давай, Иван Александрович, объединим горожан вокруг Керогазова! Переименуем Резинстрой в Керогазов. Памятник Петру Петровичу поставим. Есть у нас один скульптор. Он хоть и хам, но памятник сделает».

Павлов И.А.: «Вспомнил! Слово на «х» вспомнил! «Химера»! Ваша идея, доктор Штайнер, – химера! А Генриетта Ивановна права!»

Прения завершились. Постановили:

1. Переименовать Резинстрой в Керогазов.
2. Установить памятник П. П. Керогазову.
3. Городу Резинстрою (Керогазову) принять участие в конкурсе на соискание права проведения очередного чемпионата по курлингу».

...Такие решения были приняты новой администрацией Резинстроя. А так как реализация этих решений была поручена Генриетте Ивановне Пегасиной, то не было ничего удивительного в том, что спустя каких-то полгода после этого совещания на площади города уже открывали памятник Петру Петровичу Керогазову. Был чудный октябрьский день...

– Дорогие друзья! – продребезжал Свистоплясов, которому выпала честь вести это празднество, – Слово представляется скульптору Андрею Кряжу.

К свободному микрофону шагнул медведь в джинсах и свитере.

– Товарищи! Граждане! Господа! – рявкнул медведь на всю площадь. – Скульптурная композиция, как вы сами понимаете, аллегорична. Она называется... Кха-кха!.. «Неизвестная дама рвёт льва на части». Она, конечно, вне всякого сомнения, дама. Но в данной ситуации изображает как бы мужчину...»

Тут розово-голубые по знаку Лили, который держал весёлый, радужный флаг, зааплодировали дружно и одобрительно. Андрей в момент стал багровым, как кленовый октябрьский лист, и проревел в микрофон: «А если ещё раз из меньшинств будет кто-нибудь хлопать, то этих меньшинств станет ещё меньше!»

Кряжа деликатно, но очень решительно оттеснили от микрофона, в который Никита Сергеевич продребезжал: «Позвольте супруге Петра Петровича Керогазова, княжне Таракановой, открыть этот памятник».

Пиония Степановна дёрнула за верёвочку, которую держала в руках, и белоснежная, колыхаемая ветром гора внезапно рассыпалась на множество простынь-лоскутов, осевших, как снег, к основанию монумента. При виде скульптуры у Таракановой глаза полезли на лоб и она тихо, но внятно произнесла в микрофон: «Ни фига себе!». Однако никто из стоящих на подиуме не только не внял этой опрометчивой фразе, но даже не посмотрел на запечатлённого в бронзе Человека-Фонтана. Отчасти это произошло, оттого что все здесь (в отличие от мадам Таракановой) уже лицезрели скульптуру во время её установки. Отчасти же оттого, что в толпе неожиданно вспыхнула драка.

Взбешённый Андрей, которого незаслуженно отстранили от микрофона, сошёл вниз, «в народ», и с ходу дал в морду знаменосцу Лили. В Кряжа, как собаки в волка, вцепились голубые и розовые. Образовался какой-то драчливый водоворот, в который всё больше затягивались окружающие его горожане. С высокого подиума были видны лишь летающие над лесом голов кулаки и дёргающееся разноцветное знамя, которое, правда, вскоре упало.

– Друзья! Наш город Керогазов удостоен высокой чести. К нам едет председатель МОК! – пытался продолжить митинг городской голова. Но микрофон внезапно взвыл и застонал, как от боли. Его ударил по хлипкой ноге обломок древка весёлого знамени, которым Кряж решил проверить на крепость череп Лили.

Торжественное открытие скульптурной композиции завершилось.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

прЕдСЕдаТЕль МоК –

еврей, поляк и грек одновременно

В кафе «Шер Ами» разгорелся нешуточный спор, причиной которого послужил национальный вопрос.

– А я говорю, Александр Македонский – еврей! – ерепенилась Лилия. – Польский еврей!

– Нет, Лиль, не скажи, – рассудительно басила Елена. – Да, ты права: Македонский – фамилия польская. Но далеко не все поляки – евреи.

Спор слушали с кислой улыбкой недавно подошедшие к девушкам Никита Сергеевич и Александр Сергеевич. Наконец Ганнибалов не выдержал:

– Позвольте заметить, милые дамы. Македонский был греком. И он совершил в своё время много славных деяний.

Елена недоверчиво уставилась на него:

– Ты что-то сегодня не то съел, Ганнибалов. Знала я одного грека по фамилии Мавроматис. Так у него самым славным деянием считалось кого-нибудь обдурить.

– Выходит был греком, а потом стал евреем, – ехидно улыбнулась Лили, но тут же притихла: к столу подошла Генриетта Ивановна.

– Всем здравствуйте, – сухо проговорила она и с ходу положила на стол фотографию respectableного мужчины. – Знакомьтесь: АЛЕКСАНДР ИЗРАИЛЬЕВИЧ МАКЕДОНСКИЙ.

Лили торжествующе взглянула на Лену. Та изумлённо всплеснула руками. А Ганнибалов сквозь зубы пробормотал: «Не тот это Македонский! Не тот!»

– Как это «не тот»? – Пегасина строго на него посмотрела. – Он – ТОТ! Председатель Международного Общества Курлингистов, о котором я вам уже говорила.

– А он, Генриетта Ивановна, нам лапшу на уши вешает с подобострастной улыбкой завзятой ябеды Лили указала на Ганнибалова. – Он говорит, что Александр Македонский какой-то там грек, который совершил много славных деяний.

Пегасина саркастически улыбнулась:

– Какой он там грек, наверное, вам и так уже ясно. Что же касается славных деяний... Говорят, это правда. Берёт. Но нам-то это и на руку. Ну, а теперь ближе к делу. Никита Сергеевич, – обратилась она к Свистоплясову, – ты Македонского должен встретить как следует...

– Да, разумеется, Генриетта Ивановна, – согласно продребезжал Свистоплясов – Хлеб-соль... Чарка водки...

– Неплохо бы женщин, – Ганнибалов цинично взглянул на девиц.

Елена порозовела, а Лили возмутилась:

– Мы что, Генриетта Ивановна... проститутки какие?

– Не проститутки, а патриотки, – строго поправил её Никита Сергеевич. – Вот Муций Сцевола, чтобы доказать свою преданность Родине, сжёг себе руку. А вы... Нашли, что жалеть. Чай, не смылитесь!

Лили и Елена, задохнувшись от злости, глазами буквально пожирали Свистка. Казалось, вот-вот разразится скандал. Однако ситуацию разрядила Пегасина.

– ВАМ БУДЕТ ПРЕМИЯ! – произнесла она, отчеканивая каждое слово.

Елена притихла. Но Лили, по всей вероятности, от избыточной желчи спросила:

– А если у вашего Македонского триппер?

– Больничный за счёт предприятия, – отрезала путь к отступлению Генриетта Ивановна.

...А через пару деньков после произошедшего в «Шер Ами» совещания на очень высоком холме, по которому проходила дорога, остановилась машина с изображением бройлера на капоте. Из бройлерной автомашины вышел вальяжный мужчина. Он посмотрел на прекрасный закат. Улыбнулся.

И солнце зажгло на его передних зубах червонного золота удивительно красивые фиксы. Вальяжный мужчина перевёл свой взгляд «долу». Со сплавленных в розово-красный цветок облаков на серо-убогий бревенчатый Керагазов, который растёкся внизу, подобно коровьей лепёшке. Улыбка сползла с лица незнакомца. Его лучезарные фиксы погасли. Он влез торопливо в машину и заорал своему водителю в ухо: «Скорей разворачивай к чёртовой матери! Какой тут чемпионат, в такой жуткой дыре!»

Однако побег сорвался. Внезапно без шума и пыли к ним подкатили две легковые автомашины и развернулись так лихо, что полностью перекрыли шоссе. «Бандиты!» – простонал незнакомец, и жалкая, кривая улыбка обнажила его тускло блеснувшие фиксы. Из автомашины вышли два негодяя. Один из них – явный пахан, умело скрывавший свою свирепую, бандитскую сущность под личиной благообразного старичка. Второй, гуталиново-чёрный громила, напоминал головореза-наёмника из небезызвестного иностранного легиона.

В боковое стекло постучали. «Кто там?» – спросил одуревший от страха мужчина с красивыми фиксами. Но вместо ответа стук решительно был повторён. На этот раз вальяжный мужчина даже не застонал. Издав непередаваемый утробноглотательный звук, он вяло нажал на ручку, открывая машину.

Перед незнакомцем стояли... две девицы в ярких кокошниках и сарафанах. Одна из них держала цветастый поднос с хлебом-солью и средних размеров легкоатлетическим кубком, фантазией автора исполненным в виде водочной чарки. «Милости просим! Ляксандра Исрайлич!» – пропели девицы, в низком поклоне отклячив зады. Мало что соображавший «Ляксандра Исрайлич» потянулся было к лежащему на подносе румяному караваю, но девицы остановили его, исполнив сладкоголосым дуэтом: «Не обессудь, ты наш батюшко Македонский. Спервоначально у нас принято зелена вина ис-

пити, а уж после того – хлеба-соли отведати». Одна из девиц сняла легкоатлетический кубок с подноса и вставила его в беспомощно растопыренные пальцы Александра Израильевича Македонского. «Пейдодна! Пейдодна!» – бодро загомонили девицы. Почти потерявший рассудок председатель МОК (а это, конечно, был он) испуганно покосился на угрюмо стоящих поодаль пахана-старикашку и головореза-нёмника и прильнул к легкоатлетическому кубку губами. Когда кубок наконец-то был осушён Македонский бессмысленным взором окинул дивный закат и град Кεροгазов, улыбнулся, сверкнув червонными фиксами, и... упал, как серпом подкошенный колос.

Что было в течение последующих нескольких дней, Александр Израильевич помнил неважно. В его голове всё смешалось и пошло кувырком. Мелькали какие-то разноцветные флаги и тряпки, гремели оркестры вперемешку с речами. И череп невыносимо распирал монумент: какая-то высоченная баба засунула руки в пасть мужику с лвиной гривой. По всей вероятности, руки баба перед этим забыла помыть, поскольку мужик блевал неудержимо и жутко.

Особое место в воспоминаниях председателя занимали две девицы в ярких кокошниках. Они то и дело всплывали в мутном омуте памяти, топорща к нему свои поцелуйные губы. И тотчас перед глазами вставал какой-то замызганный гостиничный номер и он, Македонский, без штанов, в стельку пьяный, поддерживаемый слева и справа девицами, орёт на гуталиново-чёрного негра-громилу, одетого почему-то в полицейскую форму. Он требует, чтобы НИКТО не мешал ему отдыхать. И все эти мутные, отдающие пьяной блевотиной воспоминания незримой верёвочкой связывал дребезжащий, поганенький голос: «Пей, Мурзил Мурзилич! Пей! Жизнь даётся нам только один раз. И прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно, а было приятно».

От жуткого кошмара Македонский очнулся только в своей служебной машине. Град Кεροгазов был уже давно позади.

Мимо проплывали болота с чахлыми, кривыми берёзками и соснами-недомерками. Александр Израильевич осторожно пошевелился, проверяя, всё ли на месте, и внезапно почувствовал, что что-то пошевелилось у него на коленях. Он опустил глаза свои вниз и... увидел свой дипломат. В том, что ЕГО дипломат лежит у НЕГО на коленях, не было абсолютно ничего удивительного. Удивительным было другое: то, что он был необычайно тяжёл. Не очень послушными пальцами Македонский открыл дипломат и... тут же захлопнул. Замер. Взглянул на переднее зеркальце, в котором отражался шофёр. Слава Богу! Кажется, тот ничего не заметил. Председатель тяжело задумался. А думать было о чём: его дипломат был плотно забит пачками купюр, перехваченными банковской лентой. Это была... В особо крупных размерах. Хотя... В общем и целом страшного, вроде бы, ничего не случилось. Что тут греха таить, дело было привычное. Брал председатель. Брал. Как тут не брать, если давали.

Взгляд Македонского упал на какие-то листы, лежащие поверх пачек банкнот. Он взял верхний из них. Вчитался в разбежавшиеся по белому полю строки. Это было заключение о том, что город Керогазов отвечает всем требованиям МОК к проведению чемпионата мира по курлингу. Внизу этого самого что ни на есть благожелательнейшего заключения значилась его, Македонского, подпись. Александр Израильевич улыбнулся: «Молодцы, ребята! Подсунули. Подмахнул бумажонку по пьянке. Да вот только коллегия МОК ваш городок задробит. Уж тут-то я постараюсь».

Председатель нехотя потянулся за следующим листом, лежащим на пачках банкнот. Однако, по мере того как он читал на этот раз не машинописные, а рукописные строки, расплзшиеся ядовитыми гусеницами по странице, глаза его всё более раскрывались от ужаса. Это были его, Александра Израильевича, признательные показания в том, что он в гостиничном номере пытался изнасиловать сразу двух гражданок – Курочкину Лилию Игнатьевну и Сусликову Еле-

ну Аркадьевну. Однако в этом ему воспрепятствовал некий младший сержант полиции Ганнибалов, который своевременно услышал крики гражданок и явился им на помощь. Внизу опять же рукой Александра Израильевича было написано, что он полностью признаёт свою вину и сожалеет. Из этих последних, заключительных строк было неясно, о чём сожалеет Александр Израильевич: о том, что он пытался изнасиловать двух гражданок, или о том, что он не успел их изнасиловать ввиду появления младшего сержанта полиции. Но председателю от этого было не легче. Он ухватился руками за голову и тяжело застонал.

– Что, Александр Израильевич, болит? – водитель сочувственно посмотрел в переднее зеркальце на Македонского – У меня есть таблетки хорошие. Будете?

– Не надо! – прохрипел председатель шофёру.

...А между тем в кафе «Шер Ами» был маленький праздник. Пегасина раздавала своим подчинённым конверты с вознаграждением за проделанную работу. В зависимости от того, ЧТО находилось в конверте, лицо награждённого либо освещала улыбка, либо омрачала обида. Сидящий за столиком с кружкой светлого пива потомок абиссинских монархов был, судя по всему, в превосходнейшем расположении духа. Глазами кота, которому только что налили полную миску сметаны, он благодарно и томно смотрел на Пегасину. Никита Сергеевич был также доволен расчётом. Он с видимым удовольствием потягивал тёмное пиво из большого бокала.

А вот Лили и Елена сидели, надувшись словно мышь на крупу, и только бросали недовольные взгляды на Генриетту Ивановну. Последняя пила крепкий кофе из микроскопической чашки и делала вид, что не замечает обидчивых взглядов девиц.

– Генриетта Ивановна, – наконец собралась с духом Елена, – а как же нам премия? Вы обещали...

Пегасина поставила чашечку кофе на стол и с деланным удивлением на неё посмотрела:

– Вам премия полагалась только в том случае, если вас изнасилует Македонский. Но вы же сами кричали, что вы никакие не проститутки и вам это совершенно не надо. Поэтому премию получили Ганнибалов и Свистоплясов, которые сберегли вашу честь.

Елена недобро взглянула на безмятежно сидевших напротив Никиту Сергеевича и Александра Сергеевича.

– Спасители хреновы! Кто вас просил? – прокомментировала взгляд подруги Лили.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ВЕлиКая СТройКа на

земле Керогазовской

Рядом с красивым чёрно-красным железнодорожным шлагбаумом стоял старик с непокрытой седой головой. Захлёбываясь стылым, промозглым туманом, он кричал в пустоту: «Вы ещё не знаете деда Василия! Я вас вот где имею!» – и выбеленный старостью костлявый кулак слабо сотрясался в тяжёлом воздухе.

Но вдруг тишину прорезал хищный свист невидимой птицы, а через минуту раздался страшный удар железа в железо и прямо к ногам потрясённого деда упала красавица-женщина с кровавой раной в груди. Крик хищной птицы доносился уже издалёка, а дед как окаменев смотрел то на умирающую женщину, то на развороченный вдрызг двухэтажный, туристский автобус, который протаранил сверхбыстрый поезд, с хищным криком летящий во мгле. Его не отвлек даже чёрно-красный шлагбаум, который нервически вдруг заморгал огоньками и, тихо журча механизмами, запоздало стал закрываться.

Сверхскоростную «железку» с капризным шлагбаумом построили в Керогазове через год после визита председателя МОК в этот город. Греко-поляко-еврей Македонский прогнулся под тяжестью предъявленных ему обвинений и отдал без боя нахрапистым керогазовцам право проведения очередного чемпионата мира по курлингу. И началась Великая стройка...

В городе точно грибы после дождика, выростали казино, аквапарки, дома, как жилые, так и публичные. Прокладывались дороги с лихо закрученными асфальтовой лентой развязками. Казалось, в людей здесь вселился какой-то строительный бес, который подталкивал их (подчас необдуманно)

тратить и тратить громадные деньги, полученные от продажи керогазовской нефти.

Однако хотя в Керогазове строили много, но как-то сумбурно, неосновательно, торопливо. От этого проистекали многие беды: то рушилась крыша в только что сданном высокой комиссии здании, то свая, забиваемая под фундамент высотного дома, проваливалась в автомобильный туннель. Но верхом головоуятия в этой строительной эпопее стала прокладка сверхскоростной железной дороги.

Маршрут магистрали был незатейлив и прост. Он не терпел поворотов, зигзагов, изгибов, а потому проходил прямоком по домам обывателей города. Одним из домов и владел дед Василий. Василия вместе с другими такими же, как он, бедолагами переселили в барак, заверив, что «временно» и «будут квартиры». Однако ожидание затянулось на годы.

Саму же «железку» построили быстро, но... при её испытании поезд, развивший громадную скорость, едва не упал под откос. Произошло это потому, что сверхбыстрый поезд был куплен в одной индустриальной стране, а сверхбыстрые рельсы – в другой. По этому факту прокуратура даже возбудила уголовное дело. Однако ответственный за приобретение рельсов чиновник доходчиво разъяснил, что взятки не брал, а рельсы купил, потому что был привлечён их боже-ственной синевой, которая напомнила ему о родном синем небе и... флаге. В прокуратуре поверили и уголовное дело закрыли.

Купили другие сверхбыстрые рельсы и поезд по ним полетел как... орлан. Сравнение взято здесь не случайно. Какому-то умнику из министерства путей сообщения пришла в голову «умная» мысль: назвать его хищной птицей орлан. И это немедленно сказалось на характере поезда. Он начал рвать и метать. Буквально всё, что встречалось у него на пути. Бывало, какая-нибудь толстая дачница-баба, привычно переползая железнодорожную колею, разинет вдруг рот, оглянется: а что это там вдали засвистело? Назад свою

ву она поворотить уже не успевала. «Орлан» налетал, рвал и метал... ошмётки кровавого мяса по «рельсовой синеве».

Народ скоро понял, что лёгкая и беспечная жизнь позади и что железные птицы ротозеев не любят. Народ стал летать через синие рельсы как пули. Смертей поубавилось. Все попривыкли и даже по поводу сверхбыстрого поезда стали шутить. Подростки-девчонки, лукаво поглядывая на подростков-парней, под нос напевали весёлую песенку:

Он был хорошенький пацан,

Пока не сбил его «Орлан».

...По жизни, кто бы и что бы ни говорил, но человек ко всему привыкает: к большим шумным стройкам, к стремительным поездам и даже ко всеобщему взяточничеству и казнокрадству. Как говорится в одной из довольно пронафталиненных, не утерявших свою злободневность поговорок: «Если вас ударят в глаз, с непривычки вскрикнете. Стукнут раз, ещё раз, а потом привыкнете». И народ привыкал...

Истошный вой подъехавшей «скорой» вывел деда Василия из оцепенения. Он вытер рукою лоб, влажный то ли от густого тумана, то ли от пота, проступившего при виде кровавого зрелища, и медленно побрёл к городской свалке. Там он соорудил себе хижину, после того как утлый барак, в который его заселили, развалился на части. Однако, немного пройдя, дед вынужден был остановиться и сойти на обочину. Его обдала грязными брызгами, первая из колонны автомашин, подметающих улицу. НИЧТО не должно было воспрепятствовать проведению чемпионата мира по курлингу в Керагозове: ни грязь, ни аварии на железной дороге, ни уж тем более жалкие угрозы полусумасшедшего деда Василия. Администрация города рьяно готовилась к инспекционному визиту председателя МОК.

ГЛАВА ШЕСНАДЦАТАЯ

КЕрогазовСКИЙ БройлЕр –

чемпион среди курлингистов

– Позвольте рекомендовать вам, Генриетта Ивановна: Аркадий Борисович Наливайко. Аркадий Борисович представляет международную корпорацию «Бройлер интернейшэнел», – выдохнув заранее приготовленную фразу, Македонский тупым, ничего не выражающим взглядом уставился в угол, на портрет Альберта Эйнштейна.

По виду Пегасиной, беседующей с гостями в своём кабинете, трудно было заметить, что она безумно рада знакомству. Хотя её губы и растянулись в дежурной улыбке, однако глаза почему-то оставались змеиными. Они внимательно изучали представленного ей только что нагловатого молодого человека с вполне осознанной целью: сожрать его сразу или позволить ему перед скорой кончиной сказать последнее слово.

Однако Наливайко оказался чрезвычайно понятлив. Он приглушил наглый блеск своих глаз и улыбнулся Пегасиной душевно и мягко:

– Генриетта Ивановна, я рад сообщить вам, что «Бройлер итернейшэнел» выражает желание спонсировать команду курлингистов города КЕрогазова.

– У нас нет команды, – с убийственным равнодушием ответила ему Генриетта Ивановна.

УЖАС, проскрежетав железными крыльями, пролетел над головой Александра Израильевича. Иначе нельзя отобразить жуткое выражение, появившееся на его лице при последних словах Пегасиной. Очевидно, забыв от возмущения вдохнуть, он снова выдохнул и потому произнёс еле слышно:

– Как это, Генриетта Ивановна, у вас нет команды? У города-организатора чемпионата мира по курлингу должна быть своя команда.

– Нету её! Нету! – устало проговорила Пегасина, словно мамаша, отказывающая своему капризному чаду в мороженом.

– Значит, её нужно создать, – произнёс Наливайко, по-прежнему задушевно. – Вот наш предполагаемый договор. Сумма за предоставление корпорации эксклюзивных прав на рекламу – на первой странице.

В протянутом ей договоре Пегасина мигом нашла искомую строчку и посмотрела на Наливайко глазами внезапно подобревшей змеи:

– А вы, молодой человек, судя по всему, с Украины?

– С-под Чернигова. У нас там свой хутор был. Волею судьбы... Пришлось всё продать и уехать, – физиономия Наливайко подёрнулась грустным туманцем.

– Это ж надо! – с радостным удивлением воскликнула Генриетта Ивановна. – И мы тоже с Черниговщины! И мы тоже едва успели хутор продать! А у вас, Александр Израильевич, – она доброжелательно взглянула на председателя МОК, – у вас под Черниговым, часом, хутора не было?

Фиксы Македонского тускло блеснули в мрачной улыбке.

– Не было, – тут же сделала вывод Пегасина. – У Александра Израильевича под Черниговым хутора не было. Ну а как же ваша реклама? – она вновь повернулась к Аркадию Борисовичу.

– Ну, сами понимаете, Генриетта Ивановна, – глаза Наливайко скромно потупились – Реклама вся наша. И до, и во время, и после чемпионата.

Пегасина взглянула на него удивлённо:

– И «до» и «во время» – это понятно. Но «после»... Простите, Аркадий Борисович... Какая реклама?

– Но дело в том, Генриетта Ивановна, – глаза Наливайко открыто и нагло уставились на председателя МОК, – что ваша команда станет ЧЕМПИОНОМ МИРА по курлингу.

– Что?! – доселе сидевший, как неприкаянный Македонский снова взбурлил. Он резво вскочил и замахал руками так

шибко, как будто хотел изобразить из себя большой вентилятор, – Я не могу! Олимпийские принципы!

Пегасина внимательно посмотрела на Македонского и, приоткрыв кабинетную дверь, сделала знак кому-то рукой.

– Ваша команда, которой ещё нет, не дотрёт и до четвертьфинала! – продолжал бушевать Македонский.

– Это вы чтой-то, Ляксандра Исрайлич, дотирать собираетесь? – вдруг оборвал Македонского напевный девический голос.

– Да, что, Саша? Что? – вторил ему другой, такой же приятный и нежный.

Возле двери кабинета стояли Лили и Елена, которых позвала Пегасина. Елена движением плавным, как будто случайным задрала свою юбку, обнажив сметанно-белые бёдра. Увидев их, Александр Израильевич схватился за сердце и посерел, как жухлый, мартовский снег.

– Корвалолу, дуры! – рывкнула Генриетта Ивановна. – Меру надо знать! Не видите – плохо ему!

Македонского откачали. Девиц удалили. А на продолжавшемся совещании решили, что керогазовским курлингистам быть... чемпионами мира. А для НЕразглашения некоторых пикантных моментов игры в «Керогазовский бройлер» (так называли эту команду) включили людей доверенных и надёжных – Свистоплясова и Ганнибалова. Первого, разумеется, в качестве капитана. Договор, дающий «Бройлер интернейшенел» эксклюзивные права на рекламу, был тут же подписан Пегасиной.

...Нет смысла задерживаться на всех перипетиях чемпионата мира по курлингу. На виртуозном заталкивании бройлера в «дом», означенный кругом на льду, на полном напряжении затирании этого льда специально для этого предназначенной шваброй. На эмоциональной поддержке любимой команды Лили и Еленой, которые в сопровождении рёва трибун в тайм-аутах исполняли жизнерадостный танец «Весёлых цыплят». А уж тем более на неудаче, грозящей

скандалным провалом. У Свистоплясова, пытающегося затормозить ход противного бройлера, внезапно переломилась спец швабра, и из её рукоятки посыпался мелкий абразивный песок. Однако капитан Свистоплясов, рухнув на лёд, хотя и разбил себе нос, но мужественно прикрыл компромат своим телом.

Короче говоря, «Керогазовский бройлер» до финала «дотёр». И после решающей схватки бушующий ледовый дворец неистово чествовал своих главных кумиров. «Свисток! Свисток!» – во всю глотку кричали болельщики. А в это время в одном из кабинетов здания администрации города шло совещание, которое являлось как бы продолжением ТОГО совещания, которое состоялось ещё ДО чемпионата мира по курлингу. Однако присутствовали на нём только Пегасина и Македонский.

– Скажи, Александр Израильевич, – Пегасина не скрывала своего раздражения, – а почему это Наливайко не перечисляет мне деньги за эту... рекламу? Его телефоны не отвечают. А если и отвечают, то чёрт знает что...

– А вы договор посмотрите, – задумчиво и как бы слегка даже не от мира сего произнёс Македонский.

– Ну, вот договор, – Пегасина расстегнула свою сумку-планшет, – и что? Я смотрела...

– А вот... Здесь вот маленький пунктик... – Александр Израильевич ногтем прочертил по листу. – «Означенная сумма будет выплачена только в том случае, если реклама окажется эффективной».

– Вот гад Наливайко! – оторопела Пегасина. – А ты-то куда смотрел, Македонский?!

– А я смотрел в свой договор, – апатично ответил Александр Израильевич. – МНЕ деньги уже перечислили.

– За что?!

– За то, что международное общество курлингистов НЕ ВОЗРАЖАЕТ против заключения договора между администрацией города Керогазова и корпорацией «Бройлер интернейшэнел».

Тут надобно, наверное, выпренно заключить, как это обыкновенно делают классики: «глубокое молчание воцарилось вокруг». Но так как до классика автору далеко, то и глава завершится иначе.

Пегасина словно ошпаренная вскочила со стула и по-мужицки коротким ударомхватила по морде... Нет-нет! Не председателя МОК! А издевательски показавшего ей язык картонного Альберта Эйнштейна. Вот тут-то, действительно, «воцарилось молчание». Но красноречивее слов блестел золотом фикс Македонского. Он был обнажён в очень милой улыбке, с которой вальяжно развалившийся в кресле Александр Израильевич смотрел на стоящую, впавшую в бешенство Генриетту Ивановну.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

рай

на земле Керогазовской

В кафе «Шер Ами» наряд полицейских забирал крепко пьяного мужика. Мужик то пытался выделывать пьяные кренделя негнушима, как у сломанной куклы ногами, то поднимал буйну голову и орал: «Я – фонтан! А вы все г...!»

И всё бы здесь ничего: к подобным не очень приятным картинкам здесь, к сожалению, привыкли, но... были в кафе иностранцы. Кто – не понять: датчане, англичане иль немцы – но очень культурные, предупредительно-вежливые, по-видимому, в рот ничего не берушие, кроме свежавыжатых соков. Вот эти вот иностранцы обескураженно и, можно даже сказать, потрясённо смотрели на это керогазовское вопиющее свинство.

И всем в заведении перед иностранцами было до чрезвычайности стыдно за пьяного дурака-земляка. И даже полицейские, очевидно не потерявшие остатки стыдливости, не грубо тащили мужика по полу, а аккуратно вели его под руки и лишь иногда, для того чтобы тот совсем не упал бодрили его лёгким ударом под рёбра.

Скандал разрешился. Горланящего мужика увезли в «машине-буханке», а иностранцы, ступив за порог «Шер Ами», повели себя как-то чудно. Они менжевались, по-видимому, не зная, куда им пойти. Слегка потоптавшись и о чём-то полотавав меж собой, они наконец-то нерешительно тронулись к киоску со странным названием «Стон Керогазова».

... После чемпионата мира по курлингу турист в Керогазов попёр, словно сельдь, косяком, а если точнее, то даже не косяком – вагонами, поскольку туристов до города вёз сверхбыстрый поезд «Орлан». Приезжие страстно желали лицезреть Человека-Фонтана, но, отыскав известный трам-

вай, натыкались на громадную, хвостатую очередь. Тогда они с горя бросались к киоскам в надежде купить звуковые консервы. Но здесь можно было услышать такой или примерно такой разговор:

– А мне бы, пожалуйста, «Стон Керогазова». Многоразовый.

– А вы бы спали подольше. Да их с утра как горячие пирожки расхватали. И одноразовых нету. Хотя их, правда, похуже берут, – так незадачливому покупателю отвечала бойкая продавщица.

Расстроенный, к тому же ещё и голодный турист спешил в ресторан – заедать неудачи, но тут его ожидал самый главный подвох.

Как только приезжий сел за стол, к нему подходил весь измятый нетрезвый мужчина, который рекомендовался «единоутробным братом «Фонтана». Измятый мужчина настойчиво уверял, что если он выпьет «как следует», то будет «нефтью блевать не хуже самого Керогазова». И вот иностранцы! И, вроде бы, умный народ! А попадались на эту нехитрую удочку. Они поили-кормили прохвоста. Но тот либо просто блевал всякой дрянью, либо падал на месте и засыпал. Встречались и буйные, но их, как в описанном случае, усмиряла полиция.

Однако, несмотря на подобные, не очень хорошие происшествия, поток любопытствующих взглянуть на Человека-Фонтана рос день ото дня. Приезжие ещё более увеличивали поступления в городскую казну, которая и без того распухала от продаж керогазовской нефти. И денег развелось в Керогазове столько, что «куры их не клевали», но вовсе не потому, что они представляли собой ассигнации, а потому, что кур в этом городе уже не осталось. Как, впрочем, не осталось здесь и коров, поросят, и утят, и прочей домашней живности. Да и, действительно, на кой чёрт возиться в сраном (простите) хлеву, если в ближайшей лавке по сходной цене можно купить кусок свежего мяса, которое приобреталось в избытке на стороне за халявные деньги?

Промышленность, которая в Керогазове состояла практически из одного объединения «Резинстрой», вместо того, чтобы (как замышляла администрация города) необычайно подняться, напротив, – необычайно упала. Вдруг выяснилось, что в гофрированных трубах застревают г... и они для канализации не годятся. Остановился и конвейер по производству презервативов. Откуда-то из-за моря завезли презервативы из тончайшей резины, и грубые, как кирзовый сапог, резинстроевские стали никому не нужны. Правда, замена презервативов не обошлась без издержек: рождаемость в городе резко упала. В отличие от родного, кирзового заморский презерватив был хоть и тонок, но крепок и совершенно не рвался.

Однако кончина родимого «Резинстроя» практически в Керогазове никого не задела. Все горожане оказались очень даже неплохо пристроены. Один, вместо того чтобы горб ломать на заводе, теперь продавал сувениры. Другой, ярко-ряженный, как попугай, зазывал в казино игроков. А третий... Третий мог быть и вообще безработным. Пособие по безработице платили такое, что о прежней зарплате в объединении «Резинстрой» даже вспоминать не хотелось.

Халявные деньги сыпались на горожан словно дождь в виде разного рода дотаций. Дотации выдавались на покупку автомашин (которых в городе развелось великое множество), на рождение детей (которых все равно не рожали) да и вообще чёрт знает на что. Порой дело доходило до анекдота.

С утра пораньше к какому-нибудь Сидорову Ивану Ивановичу являлся какой-нибудь нарочный в виде миловидной девицы. И вот этот нарочный звонит в дверь Ивану Ивановичу и самым нежнейшим, ангельским голосом говорит:

– Иван Иванович, будьте любезны. Распишитесь вот здесь. В получении денег. За то, что вы являетесь жителем города Керогазова.

Однако уже стоящий в дверях Иван Иванович в ватных штанах и ящиком для зимней рыбалки, вместо того чтобы быстренько расписаться, устраивал настоящий скандал.

– Да как вы надоели со своими деньгами! – безмерно гордясь собой, возмутился он с ходу. – Вы даже пенсионеру не даёте отдыхать на заслуженном отдыхе...

В конце концов, излив всю свою обиду и горечь на милостивидную нарочную, Иван Иванович сменял гнев на милость:

– Ну ладно. Так уж и быть. Подпишу. Давайте. Где ваши деньги?

Итак, Керогазов рос-жирел на глазах. Но в росте его уже намечался какой-то нехороший изъян. Так червоточина проступает сквозь кожу с виду здорового яблока. Бывало, какой-нибудь Ваня идёт по улице своего неузнаваемо изменившегося города. Идёт-идёт... Да вдруг так и станет столбом. Задумается глубоко и надолго. «А как же вот так? – натуженно соображает Иван. – Вот раньше я сеял, пахал, хлеб растил, а сейчас бью баклуши: швейцаром холуйствую в казино... Ну, хлеб – это ясно, понятно и твёрдо, а казино... не совсем. Как бы чего... Не того... Не случилось бы скверного».

Как это ни прискорбно звучит, однако дурное предчувствие этого керогазовца вскоре сбылось. И невдомёк было клевавшему носом нетрезвому дебоширу, которого из кафе увозила зарешеченная «буханка» (как, собственно, невдомёк было и всем горожанам), что вскоре халявная выпивка и халявные деньги закончатся. Наступит похмелье, тяжёлое и очень безрадостное. А началось всё, как водится, с сущей мелочи, с ерунды, с какого-то совершенно дурацкого, пьяного разговора в кафе.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

СоглашЕниЕ,

обмытое в кафе «Шер Ами»

– Намедни я предложил «Керогазовбанку» Раскольникову в бронзе поставить. И надпись на постаменте: «Тварь я дрожащая или право имею?», – Андрей Кряж дыхнул свежей водкой на слушавших его Александра Сергеевича и Никиту Сергеевича, которые дышали в общем-то тем же, – Вы представляете? Отбою бы не было от клиентов. Так, дурачьё, отказались».

Андрей замолчал и за столом стало как-то тягостно-тихо. Так тихо и тягостно, что бухой Ганнибалов решил, что всех нужно развеселить. В руках у него появилась банка консервов «Стон Керогазова». И Александр Сергеевич, схватившись за махонькое колечко, как за чеку от гранаты, сорвал с банки крышку. «Выдь на Волгу: чей стон раздаётся...» – громом грянуло на всё заведение.

Ещё в зале не схлынули волны идиотского хохота, накатившие после керогазовских консервных стенаний, как встряхнулся доселе дремавший скрипач. Он, по-видимому, решив, что веселье надо продолжить, тотчас ВЫЩЕКОТАЛ смычком из своего инструмента, Нет, не музыки, а какое-то пакостно-издевательское хихиканье.

Когда скрипка умолкла, Кряж, переваливаясь через стол, проникновенно и тихо сказал Ганнибалову: «А по гуталиновой харе ты хочешь?» «Гуталиновая харя» в момент посерела. Несмотря на свою показную нахрапистость, потомок абиссинских царей был на мордобой слабоват. Свистоплясов поспешил своему закадычному другу на помощь:

– Это Штейнер, Андрюша, тебе отказал. В «Керогазовбанке» он – член правления.

– Да ну? – Кряж даже опустился на стул.

– У немцев, Андрюша, – ласково задребезжал Свистоплясов, – вместо чувства прекрасного – сухой рационализм и расчёт. Ты ведь слышал, как жутко вопиет Пётр Петрович? А всё потому, что из-за этой чёртовой нефти германский изувер Йозеф Штайнер истязает его своими клистирами.

– Guten Tag, – вдруг послышался над самой лысиной Никиты Сергеевича голос «германского изувера».

Тут надобно дать небольшую ремарку для того чтобы объяснить появление в кафе немецкого специалиста.

Минувшие годы герр Штайнер провёл в жесточайшей тоске по «фатерланду». Не раз и не два он хотел «бросить всё!» и уехать в Германию, где на Блуменштрассе утопал в цветах его маленький домик. Но деньги, проклятые деньги, которые платил ему хитрый испанец, цепко держали его за глотку. Однако неизбежной тоске куда-то надо было излиться. И она излилась... в пивную кружку заведения «Шер Ами», где немец и познакомился с тёплой компанией.

– Фи кофорит о мой? – переспросил Йозеф Штайнер, поскольку ввиду его внезапного появления все замолчали.

– О твой, о твой! – нагло ответил ему Никита Сергеевич. – Скажи нам, пожалуйста, Ёся. Как ЧЛЕН правления банка. Ты почему отказался поставить скульптуру Раскольникова?

– Нелься! – немец заговорщицки поднял указательный палец. – Он рука за пазух тершит. Там – топор!

– Какой топор?! – взвился Кряж. – Это он документы достаёт! Чтобы кредит в банке взять! Ты, Штайнер, лучше скажи, какие клистиры ты ставишь Петру Петровичу. Он вопиет!

– Вот-вот! – Никита Сергеевич одобрительно посмотрел на Андрея. – Уже образовалась группа правозащитников в составе... В составе Александра Сергеевича Ганнибалова и меня. Мы будем инспектировать, насколько гуманно ты, Ёсик, ставишь клизму Петру Петровичу.

– Это нефосмошно, – немец поник головой. – Я не моку польше телать церемоний клисмофстафления.

Недоуменное молчание зависло над столиком. Его озвучил в вопросе Никита Сергеевич:

– Ёсик, неужели этот сраный идалго тебя уволил?

– Нет, не уфоллил. Но я не моку теперь телать претставление fur Publikum, мои помощники sind besoffen.

– Спились! – ахнул Никита Сергеевич – Ай-ай-ай! Какое нехорошее дело! Спились! Вот мерзавцы!

– Да ты их, Свисток, и споил! – брякнул нерадостный Кряж, – «Цвэльфмаль бир, битте» – теперь все официантки в кафе знают, что это такое.

Последнюю реплику Андрея Кряжа, который сегодня был явно не в духе, Никита Сергеевич предпочёл не услышать. Он вновь обратился к учёному немцу:

– И что же ты, Ёся, теперь делать будешь? Поедешь нах фатерланд? Ту-ту?

– Не снаю, – честно признался немец. – Мой потчинённый пьяны в сте... сте...

– В стельку, – подсказал Ганнибалов.

– Нет, в стенку, – вдруг вспомнил Штайнер. – Они, как пива с фоткой нашрутся, в стену лпом упираются и плюют.

– Смотри-ка ты... Как Пётр Петрович, – уважительно заметил Никита Сергеевич. – Только тот нефтью. А эти... Ну и вонища небось?

– Пахнет, – подтвердил немец.

Брезгливого скульптора передёрнуло. Свисток улыбнулся безмятежно и радостно.

– Послушай, Ёсик, – проворковал он ласковым голубком, – мы с Александром Сергеевичем могли бы на практике определить, насколько гуманно ты ставишь клистир Петру Петровичу. Ну, заодно и тебе помочь. Последнее разумеется, за умеренную плату.

– Это как? – Штайнер не понял.

– Ну как, – солидно произнёс Никита Сергеевич. – Мы

выступили бы как чемпионы мира по курлингу. Я бы клизму понёс. Она полегче. А Саша – физраствор. – Свисток пожевал немного губами и добавил загадочно: – В СУМКЕ.

– Физиологический растфор нато носит на руках. Фот так! – немец взял в руки полный пивной бокал и вытянул его на отлёт. – А, кроме токо, фы не умеет хотить прусский шак.

– Я умею, – возразил ему Ганнибалов. – Я венк возлагал к памятнику Александру Сергеевичу Пушкину. В Абиссинии. Нас учили.

Он неожиданно встал и задрал ногу так высоко, что им восхитился бы сам Петипа. Скрипач, игравший Лунную сонату Бетховена, сфальшивил и «луна» закатилась. Все удивлённо посмотрели на прусского негра.

Однако балетное «па» Александра Сергеевича произвело на доктора Штайнера сильное впечатление.

– А фы так умеет? – спросил он у Свистоплясова.

– Нет, но.. не посрамлю! – клятвенно заверил Никита Сергеевич.

– Карашо! – наконец-то сдался Штайнер. – Я фам китель найту, калифе и сапоки. Gut? – повернулся он к Ганнибалову.

– Гут, – согласился потомок абиссинских царей.

– Ёся! Дай я тебя поцелую! – растроганно поцеловал Свистоплясов и слюнявыми губами впиваясь в тонкие, поджарые губы ошалевшего немца.

Соглашение было достигнуто и тут же обмыто пивоводочным пойлом.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

(ЧАСТЬ 1)

БЕЗумная радостЬ,

подаренная Керогазовым – человеком Керогазову-городу

Смотровые трибуны возле нефтяного трамвая нетерпеливо гудели. Была уже четверть третьего, а церемония клизмовставления, назначенная на два часа пополудни, ещё и не начиналась. Все полагали, что случилось нечто, выходящее за рамки обычного и даже приличного. Меж зрителями пополз нехороший слушок. Якобы главный распорядитель церемонии Йозеф Штайнер и его помощники в стельку пьяны.

Напряжение достигло высшей точки накала, когда неожиданно грянул жизнеутверждающий марш курлингистов и из специального загончика на свет появился... гигантских размеров, в рост человеческий, бройлер. Собравшиеся в недоумении замерли. Однако возникшая пауза продолжалась недолго. Внезапно из динамиков раскатисто-громко разнеслось над трибунами: «Сегодня доктору Штайнеру ассистируют... **ЧЕМПИОНЫ МИРА ПО КУРЛИНГУ!** Никита Сергеевич Свистоплясов! И-и-и! Александр-р! Сер-р-ргеевич Ган-н-нибалов!

Снова рванул бравурный марш, и на площадку перед трамваем торжественно-важно ступили именитые курлингисты, перехваченные чемпионскими поясами. Громадные пряжки на их поясах были золотисто-тусклы и напоминали поджаристых бройлеров. Никита Сергеевич нёс громадную клизму. Давалось ему это с трудом, поскольку висевшая у него на плече, не предусмотренная регламентом СУМКА постоянно соскакивала и капитан-курлингист, поправляя её, подёргивался, как лошадь, которой мешает неверно надетая сбруя. Идущий за Свистоплясовым Ганнибалов на вытянутых

руках держал перед собой большую бутылку с физраствором. Бодрящий марш курлингистов затих. Возникла какая-то нелепая и явно не предусмотренная сценарием пауза. И вот из загончика как-то подозрительно вяло скорее даже не вышел, а выполз герр Штайнер. Он выполз. Слегка покачнулся и... чтоб не упасть, руками упёрся в муляж гигантского бройлера.

Тут должно не без сожаленья отметить, что гадкий, проползший по трибунам слушок оказался правдив. Все трое после «вчерашнего» были не в форме. К примеру, Ганнибалов держался прекрасно, но его выдавало лицо. Оно обрело нездоровый, синевато-баклажанный оттенок. Никита Сергеевич был весь словно жеваный и лицом и одеждой. А вот доктор Штайнер... Тот выглядел безупречно-блестяще. В начищенных сапогах его отражалось глянцево-мутное солнце. Такое же мутное, как и глаза немецкого специалиста. Герр Штайнер был изумительно пьян. И только тевтонская твёрдая воля (хотя и нетвёрдо), но куда держала его на ногах.

Меж тем слегка удивлённая столь необычным началом торжественной церемонии публика наконец-то сообразила, что перед ней разыгрался самый настоящий спектакль, а раскоряченный Штайнер искусно делает вид, что он не может сдвинуть бройлера с места без помощи опытных курлингистов. Заполненные до предела трибуны начали дружно скандировать: «Ганнибалов! Толкай его в ж...! Толкай его в ж...!»

Кого толкать в ж... – бройлера или Штайнера, было неясно, и Ганнибалов решил остановиться на первом. Руками-оглоблями он приподнял специалиста по клизмовставлению и усадил его на гигантскую тушку-муляж. Полуувменяемый Штайнер стал схож со сказочным всадником, сидящем на неведомом, сказочном чудище. Довольная публика бурно зааплодировала. Никита Сергеевич и Александр Сергеевич раскланялись, словно клоуны в цирке. А дальше уже всё пошло как по маслу. Под жизнерадостный марш курлингистов Ганнибалов упёрся руками в громадного бройлера и тот на невидимых глазу колёсиках покатился к нефтяному трам-

ваю. Никита Сергеевич спец шваброй для курлинга старательно драил асфальт перед «птицей». Трибуны в восторге ревели.

Под непрекращающиеся аплодисменты гигантский бройлер был триумфально доставлен к трамваю. Здесь Ганнибалов снял Штайнера с необыкновенного транспорта и, как неодушевлённый предмет, прислонил его к боковине вагона. Ну аккурат рядом с поставленной Свистоплясовым шваброй для курлинга. И тут произошёл скверный казус...

Теперь уже трудно сказать, что стало его причиной. Возможно, это была упавшая курлингистская швабра, которая стукнула специалиста по голове. Возможно, что это недоумение произошло оттого, что Штайнер стоял, упершись лбом в стенку, как и его подчинённые, когда их рвало с перепоя. Но как бы то ни было немцем внезапно овладел жуткий рвотный позыв. И сверхчувствительный микрофон, прикреплённый к его парадному кителю, вместо отрывистых прусских команд вдруг передал в мощные репродукторы львиное рычание блюющего Штайнера. У зрителей глаза было полезли на лоб. Однако нерастерявшийся Кряж, который по просьбе Свистка режиссировал сценку, оперативно врубил очень миленький танец «Озорные цыплята». Пока Ганнибалов тащил павшего немца в вагон, Лили и Елена так славно изобразили беззаботно танцующих курочек, которые совершенно не боятся рыка глупого льва, что публика разразилась овациями.

После ухода девиц возникла театральная пауза. Собравшиеся с нетерпением ожидали продолжения развесёлого праздника, которое им доставляло безмерную радость. Эх, знали бы зрители, какое веселье им ещё предстоит! Какую БЕЗУМНУЮ радость доставит им сам Керогазов! Они бы в панике, в давке бросились вон! Однако смешливый, жаждающий зрелищ народ об этом покуда не ведал. А между тем Свистоплясов уже открывал загадочную спортивную СУМКУ, которую он всё это время терпеливо тащил на себе...

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

(ЧАСТЬ 2)

БЕЗУМная радостЬ,

подаренная Керогазовым-человеком Керогазову-городу

Из сумки Никита Сергеевич вынул зелёного стекла старую добрую четверть и поставил её рядом с бутылью, наполненной физраствором.

– Ну, Мурзил Мурзилич, старый кабан, – он фамильярно похлопал Человека-Фонтана по ляжке, – ты небось уже и не помнишь своих старых друзей? А друзья-то твои тебя не забыли.

Керогазов безмолвствовал. Из-за гофрированного намордника он ничего не мог ответить своему закадычному другу и собутыльнику, но только изумлённо тарачился на него. За долгие годы пребывания в нефтяном трамвае он здесь практически никого не видал за исключением доктора Штайнера и его двух помощников, поэтому неожиданное появление Свистоплясова и какого-то негра-громилы произвело на него впечатление поистине потрясающее.

– Так-так! – произнёс Никита Сергеевич, с интересом разглядывая распятого в профилактическом ложе Петра Петровича, – Надо бы, Саша, за встречу.

Ганнибалов согласно кивнул.

Из сумки, из которой минуту назад на свет божий появилась зелёная четверть, он извлёк три гранёных стакана. Два из них абиссинец наполнил из зелёной бутылки. Третий, взглянув на бездыханного Штайнера, оставил порожним.

Выпили, проливая сивуху на пол. Никита Сергеевич помаhal рукой возле рта, желая сказать что-то вроде «ну и крепкая, сволочь!», но вместо этого вдруг испуганно просипел: «Саша! Ты это что?!» Ганнибалов на его глазах оседал.

Нешадным битьём по щекам и жёстким растираньем ушей абиссинца всё же удалось вернуть к жизни. Но он был полувменяем. С сомнением глядя на нетвёрдо стоящего перед ним Ганнибалова, Никита Сергеевич резко заторопился: «Саша! Снимай с него быстро штаны!» – махнул он рукой в сторону профилактического ложа, к которому привалился ничего не соображающий Штайнер, – А я пока буду готовить клистир».

Однако Свистоплясов и сам был порядочно пьян. Не обращая внимания на стоящую тут же бутылку с физраствором, он ткнул хобот клизмы в другую бутылку – с самогоном. Возможно, произошло это потому, что та находилась ближе к руке или... к сердцу Никиты Сергеевича. Он понял свою ошибку только тогда, когда клизма с жадным хрипом уже дососала остатки сверхкрепкого пойла. Досадую на себя и желая поправиться, Свисток попытался открыть физраствор, но пьяные пальцы его не очень-то слушались. Тогда он как зверь впился в пробку зубами. И в этот прекрасный момент входная дверь тихонечко приоткрылась и на пороге вагона предстал... высохородный идалго дон Педро де Эстебано.

Тут нужно сказать, что до испанца дошли-таки слухи о безудержном пьянстве немецкой команды и он решил лично проверить, насколько эти слухи верны. Сейчас буквально остолбеневший и потерявший дар речи идалго воочию убеждался, что толки о пьянстве оказались лишь жалкими отголосками самой ужасной действительности. В трамвае творилась безобразная, мерзкая оргия.

Немецкий специалист лежал на полу, в стельку пьяный... со спущенными штанами. Над ним, очевидно собираясь надругаться над безжизненным телом, с тяжёлым, нечеловеческим взглядом застыл Ганнибалов. Так до конца и не пришедший в себя абиссинец почему-то решил, что клистир нужно ставить не Человеку-Фонтану, а немцу, и содрал с него галифе. Сам Свистоплясов выглядел не лучше своего собутыльника. Он, словно кот, озверевший от запаха вале-

рьянки, остервенело рвал пробку из горлышка здоровенной бутылки. Картину дополняли стаканы и уже порожняя четверть, а так же одуряющий запах сивухи, столь острый, что вышибало слезу.

– Пётр Эстебанович, – проговорил Свистоплясов, вынимая обглоданную пробку изо рта, – мы рады вас видеть.

– О боже! – «Пётр Эстебанович» сначала схватился за голову, затем, только с третьего раза попав, сунул руку в карман, чтобы достать сигареты. После двух-трёх затяжек руки у дона Педро почти перестали трястись. Он показал на клизму, грузшую самогоном, и прохрипел:

– Ставьте скорее клистир.

– Слушаюсь! – почему-то вытянулся во фронт Свистоплясов. Однако это усилие оказалось чрезмерным и Никиту Сергеевича бросило на Петра Эстебановича. Выроненная горячая сигарета упала на пол, и пролитый самогон запылал.

– Чёрт вас всех побрал! – заорал моментально обретший голос идальго и в сине-багровых огненных языках бойко заплясал тарантеллу.

После того как упрямое пламя было растоптано трясущаяся рука дона Педро снова полезла в карман. Но тут что-то грянуло в голове абиссинца. Его обугленный палец упёрся в сигареты испанца, а жуткий, замогильный голос изрёк: «ВЗОРВЁТСЯ!»

«Как?! Почему?!» – дон Педро едва не подпрыгнул, но, посмотрев на чёрного идиота с красными от пьянства глазами, как-то бессильно обмяк и едва не заплакал. «Вызвать полицию и сдать их всех к чёртовой матери! – мелькнуло в голове дона Педро. – «Будет скандал. Нет, это нельзя». «Ставьте клистир». – повторил он опустошённо и тихо.

Клизму поставили под пристальным наблюдением испанского гранда, который всё это время напряжённо курил. Однако сама процедура, вопреки его ожиданиям, прошла без сучка, без задоринки. Вот только... Только не было почему-то знаменитого стопа Человека-Фонтана.

– А почему он не стонет? – испанец нервически сделал затяжку.

– А потому, – отвечал ему Свистоплясов, – что человек увидел своих старых друзей и так им обрадовался, что ему теперь не до стонов.

Сказавши последнюю фразу, Никита Сергеевич и сам не подозревал, как он был прав. Действительно, Керогазов ОБРАДОВАЛСЯ, но только не старым друзьям, а впрыснутому в него крепчайшему самогону. И эта РАДОСТЬ его так распирала, так вырывалась наружу, что в конце концов вырвалась и порадовала всех окружающих. Впоследствии каждый из бывших в то время в вагончике живописал эту РАДОСТЬ по-своему, насколько хватало ему бурной фантазии или... оставшегося после этого замечательного момента рассудка.

Никите Сергеевичу произошедшее живо напомнило взрыв исполинского самогонного аппарата. Сначала отчаянный свист работающего за пределами предохранительного клапана. Затем – мощный взрыв.

Ганнибалов после страшного несчастного случая понёс околесицу. Он утверждал, что жуткий свист, который он слышал, напомнил ему посвист пули мерзавца Дантеса. А мощный взрыв – вселенскую катастрофу, в которую низвергла поэзию смерть русского абиссинца Александра Сергеевича Пушкина.

А вот дон Педро де Эстебано о случившемся ничего и никогда не рассказывал, зато резко бросил курить. Он до безумия начал бояться сигар, сигарет, папирос и даже готовых к употреблению курительных трубок. Он искренне всех уверял, что всё что, содержит ТАБАК, – это... крайне взрывоопасно.

На самом же деле в трамвае взорвался, конечно же, не табак, а немыслимой крепости самогон, который внутри Керогазова сработал самым неожиданным образом. Вначале Человека-Фонтана стало на глазах раздувать и он достиг совершенно необычайных размеров. В конце концов кольцевые мышцы не выдержали невероятного напряжения и Пётр

Петрович как бы выстрелил означенной жидкостью. Но даже

и в этом случае взрыв бы не было, однако идадьго в это время, на беду, курил сигарету. Она и воспламенила адскую смесь. А далее случилось самое страшное. Подобно струе раскалённого газа, которую под страшным давлением выбрасывает из себя бронебойный снаряд, извергнутый из утробы Петра Петровича самогон прожёл металлическую стенку трамвая и ударил в нефтепровод. И тут уж ахнуло так, что вздрогнул весь город...

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Жизнь после СМЕРТи,

или паническое бегство Петра Петровича
от огненной фурии

Пётр Петрович открыл глаза и увидел перед собою... себя. Он лежал среди искорёженного металла и каких-то изломанных реек, а на груди у него в лучах вечернего солнца алмазно сверкало разбитое в мелкие брызги стекло.

«Так значит я умер», – подумалось вдруг Керогазову. – Душа моя воспарила и сверху глядит на покинутое брненное тело».

Когда-то давным-давно, ещё будучи человеком обыкновенным, Пётр Петрович прочитал много всяких книг и брошюр под общим названием «Жизнь после смерти» и вот теперь убеждался, что всё, что написано в них, – это правда. Он пристально вглядывался в своё лицо, свободное наконец-то от гофронамордника, и искренне удивлялся тому, что за минувшие очень нелёгкие годы оно почему-то ни капли не изменилось.

«А отчего же я умер?» – Пётр Петрович оглянулся вокруг. Его неподвижное тело окружали разбросанные обломки трамвая. За ними шли полуразрушенные смотровые трибуны. А дальше чернели какие-то гигантские консервные банки. Они были вытянуты и так удивительно и причудливо изгибались, что Керогазов не сразу признал в них чудовищно искорёженные резервуары нефтехранилища. «Да, умер. И, верно, от взрыва», – уверился окончательно Пётр Петрович. Но вместо страха и сожаления об утраченной жизни он испытал... ни с чем не сравнимое облегчение. «О Господи! Сколько мук позади! «Эта ни с чем не сравнимая боль от клизмовставления, к которой он так и не смог за минувшие годы привы-

кнуть. А тягостная повинность быть заточённым в трамвае и днём и ночью фонтанировать этой чёртовой нефтью? Всё это ушло. Навсегда. Безвозвратно. Внезапно перед глазами его всплыла картина «Над вечным покоем». Часовня и крест над застывшею в течении рекой. Душа Кεροгазова наполнилась благостной негой и умилением.

Но вдруг в эту нежную оболочку, в этот кокон, в который укрылась Душа, ворвался какой-то мерзкий, отвратительный скрежет. И мёртвое тело Петра Петровича неожиданно дрогнуло, покачнулось и... куда-то поехало в сторону. Душе Кεροгазова стало отчего-то жутко и страшно. Она вскочила на ноги, а вместе с нею вскочило и «мёртвое» тело, стряхнув тонко зазвеневшие осколки стекла. Пётр Петрович, не разбирая дороги, рванулся вперёд, но тут же упал, отброшенный неожиданным жёстким ударом. Душа Кεροгазова, которая и не думала покидать его брэнное тело, с размаху долбанулась об одностороннее зеркало, служившее крышей трамвая. Взрыв так развернул его, что Пётр Петрович, ещё не пришедший в себя, не понял, что он, как и прежде, видит лишь своё отражение.

Оправившись от удара, Кεροгазов снова бросился прочь и вылетел за пределы покосившейся крыши трамвая. Шахнулся в сторону от каких-то людей, вооружённых топорами, ломami и пилами. И тут же понёсся, как на скачках заправский рысак.

Пётр Петрович мчался стрелой, совершенно не ощущая усталости. Однако, пролетев метров эдак пятьсот, он поднял случайно глаза и... остановился как вкопанный. Прямо перед ним громоздились дома-великаны, которые он почему-то всегда ненавидел и которых... боялся. Дома горели-сияли на солнце, надменно взирая на бывшего Человека-Фонтана. Тут сердце у Кεροгазова тягостно сжалось. Внезапно он понял, что здесь без него проросла чужая, незнакомая жизнь и он этой жизни не нужен. Ему захотелось обратно в трамвай. Как прежде, напялить на себя гофронамордник и при-

вычно блевать в него нефтью. А самое главное, спрятаться, скрыться от этих враждебных исполинов-домов, от новой, неведомой и пугающей Жизни. Однако нефтью Пётр Петрович уже не блевал и от трамвая, который служил ему долгие-долгие годы убежищем, почти ничего не осталось.

Пётр Петрович отвёл свой слезящийся взгляд от ослепительных, отражающих солнечный свет небоскрёбов и сгорбившись медленно побрёл вдоль трамвайных путей. Он шёл к себе на квартиру, стараясь не думать о том, что его там, скорее всего, и не ждут. Кое-как Керогазов добрёл до своей остановки и свернул в детский парк, через который пролегал его путь. Но тут он невольно остановился напротив богатырской головы с разверзнутым пропастью ртом.

Пётр Петрович смотрел на венчающую холм гигантскую голову, и сердце его разъедала досада. Сейчас ему мнилось, что во всех его бедах виновата собака, которая рыжим протуберанцем полыхнула из этого богатырского рта. «Эх! Если бы всё повторить! Тогда бы всё было иначе». Тогда бы он точно не побежал от этой рыжей дворняги и не провёл бы в воняющем нефтью трамвае мучительно долгие годы.

Однако громадный, распахнутый пропастью рот не отпускал от себя Керогазова. Он был гипнотическим, пронзительно-чёрным, как небо в морозную ночь. Внезапно из чёрной дыры полыхнуло ослепительно-рыжее пламя. Непикуемый ужас охватил Керогазова. Забыв про усталость и немощь, он вновь сломя голову бросился прочь.

Пётр Петрович мчался как угорелый. Он миновал детский парк, пролетел ещё пару кварталов, как вдруг дало ему в голову, что позади нет остервенелого лая. И Керогазов обернулся назад. Собаки позади него, действительно, не было... За ним гналась и преследовала его по пятам какая-то огненно-рыжая фурия. С глазами, горящими адским, рыжекрасным огнём, и мощными гвоздями-клыками, торчащими наготове из пасти. Пётр Петрович хотел было простонать «Боже мой!». Но вместо этого промычал нечто дикое, крайне

невразумительное и так рванулся вперёд, что чуть не врезался в афишную тумбу.

Теперь Керогазов мчался в пространстве подобно комете. И вскоре его каблучки уже застучали по тротуарной брусчатке, проложенной вдоль великанов-домов – тех самых, которые он ненавидел и которых боялся. Пётр Петрович бежал среди них, опутив глаза свои долу, и потому не мог видеть того, что в обычное время было бы для него весьма интересно.

Он, например, не видел дворца, в огромных окнах которого плавилось закатное солнце. А над дворцовыми окнами сверкали, сияли и брызгали золотом восставшие в рост человеческий буквы: «Банк Керогазова». Солиднейший банк единолично принадлежал главе администрации города Ивану Александровичу Павлову, который ничтоже сумняшеся дал ему имя Человека-Фонтана. Увы, этого Пётр Петрович не видел и, конечно, не знал.

Не знал также Керогазов, сумасшедшим аллюром пролетавший мимо другого роскошного здания, что оно является собственностью его дражайшей супруги Пионии Степановны Таракановой, которая разместила в нём фешенебельную гостиницу. И что золотые ворота, о литые узоры которых Пётр Петрович порвал свой пиджак, ведут вовсе не в рай, а в казино, принадлежащее возлюбленному княжны Таракановой, испанскому гранду дону Педро де Эстебано.

Всё это было неведомо Керогазову, в безумном, неизъяснимом порыве убегающему от огненной фурии, более схожей со сгустком обжигающе-рыжего пламени, чем с обычной собакой. Впрочем, неведомо ему было и то, КУДА он бежал. А между тем дома-великаны как-то разом закончились. Пётр Петрович сквозняком пролетел необъятный пустырь и оказался... в огороженном бетонным забором пространстве. Тут он внезапно остановился. Ужасная вонь ударила ему в нос.

Керогазов стоял на краю большого бассейна, в котором пузырилась и булькала зловонная вязкая жидкость. Огненно-

рыжая фурия пригнала его к городским очистным сооружениям, которые не работали по причине отсутствия керогазовской нефти.

Пётр Петрович зажал себе нос и стал пятиться от невыносимого смрада. Но тут же он вспомнил о преследующей его огненной фурии и в ужасе оглянулся... Чудовища не было. Из Керогазова будто бы вынули некий незримый стержень, который его всё это время держал. Он сел на краю бассейна и, уже не обращая внимания на ужасную вонь, тихо... заплакал.

Керогазов плакал долго и сладко, как маленький ребёнок, которого кто-то очень сильно обидел. А когда выплакался, то тяжело, неуклюже поднялся и заковылял от бассейна. Он вновь направлялся к родимому дому. Однако теперь его путь пролегал по старым, не тронутым перестройкой кварталам, которые были ему милы и знакомы.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

авТоМоБиль нЕизВЕСТной породы,

работающий на чистой энергии гор

А вот наконец-то и дом, который в минувшие бурные годы, по счастью, не успели снести. Пётр Петрович поднялся на последний, пятый этаж и стал перед дверью, которую закрыл за собой, казалось, уже целую вечность назад. И тут его снова неожиданно прошибла слеза. При виде большого гвоздя, торчащего аккурат посередке двери. Его Керогазов вогнал, пребывая в пьяном, распахиванном виде. Супруга достала его своим настырным нытьём об идиотском крючке для вешанья сумки. Однако сейчас этот нелицеприятный и довольно грязный скандал казался ему романтическим эпизодом их прежней счастливой семейной жизни.

Пётр Петрович вытер слёзы рукой и нажал на кнопку звонка. Он волновался, как зелёный юнец перед первым свиданием. Сейчас дверь откроется и он увидит «мой дорогой цветок» (так Керогазов называл свою супругу в редкие минуты нежности). Всё скверное и наносное, что было между ними, вдруг забылось. Забылась даже пара жёлтых роз, положенных «цветком» у его ног в трамвае. Сейчас Пётр Петрович искренне любил свою жену и был готов простить ей все измены. Однако... прощать-то было некого. За дверью стояла гробовая тишина. Тут здравомыслящий человек живо сообразил бы, что дома нету никого. Но Керогазов сегодня мыслил далеко не здраво, а скорее наоборот: «Он вот пришёл. Он любит. Он простил. А чёртова Пиония ему не открывает». Пётр Петрович долбанул в дверь кулаком. Затем ещё и ещё... И, распалившись, забарабанил по дерматиновой обшивке как сумасшедший.

Через минуту дверь отворилась. Однако не та, которую дубасил Керогазов, а другая, с ней соседняя. Из двери вышел здоровенный шкаф-мужик и дружеской рукой похлопал по плечу Петра Петровича: «Приятель, ты не заблудился?»

Тут Керогазов вздрогнул. Обернулся. И... лучезарная улыбка осветила его мрачное лицо. Он даже распахнул свои объятия, а губы сложил трубочкой для поцелуя. Но шкаф-мужик вдруг заорал с испугом «чур меня!» и бросился назад, в квартиру, хлопнув дверью так, что сверху на Петра Петровича посыпалась всякая дрянь в виде паутины, пыли и крошек старой штукатурки.

По физиономии Керогазова медленно расплзались недоумение и горькая обида. Он прокричал в дверной глазок: «Кряж! Это я!» После чего изо всех сил ударил кулаком в глухую дверь и, опустившись прямо на выщербленную плитку, снова горько заплакал. Он плакал и плакал, всхлипывая и что-то обидчиво бормоча про себя, и не заметил, как с громом захлопнувшаяся дверь тихонько приотворилась и в образовавшуюся щель просочился опасливый глаз. Глаз какое-то время рассматривал плачущего, по-бабьи причитающего Керогазова затем настороженным басом спросил:

– Петруха... Ты вправду живой?

– А пошли вы все! – «Петруха» грязью размазал рукой по лицу текущие слёзы. – Сволочи... Только и знаете...

Глаз не стал спрашивать «кто эти сволочи? «и что они знают?». Дверь отворилась и Шкаф-мужик, в которого превратился опасливый глаз, пробасил:

– Ладно. Давай – проходи.

В квартире Кряжа царил самый настоящий бардак. Он был здесь и прежние годы. Однако сейчас привычный бардак дополнял такой колоритный «предмет», что Керогазов при виде него невольно остановился. Как раз возле батареи центрального отопления дышала огнём и пыхтела в форточку дымом... буржуйка.

– Центральное отопление отключили, – пояснил гостю Кряж. – Мазут у них кончился. А взять его негде. Ты нефтью уже месяц как не блюёшь.

Тут Керогазов выпучил глаза на Кряжа:

– Выходит, спасатели за мной только через месяц пришли?

– Какие спасатели? – не понял Андрей.

– Обычные. С топорами и пилами.

– Так это, Петруха, мародёры, а не спасатели. – рассмеялся вдруг Кряж. – Тут без тебя таких делов натворили... – и он стал рассказывать так поспешно и сбивчиво, как будто внутри у него прорвало плотину.

Оказывается, после взрыва, произошедшего во время церемонии клизмовставления, каким-то невыносимым образом все зрители остались в живых. Но нефти, конечно, не стало. А вместе с керогазовской нефтью исчезли и деньги, которыми платили за привозимые в город продукты. «Голодный народ взбешенел!» – тут Кряж почему-то взглянул на буржуйку, в которой металось безумное пламя, – «И начался повальный грабёж».

– Помогите! Грабят! – вдруг кто-то истошно заорал под окнами.

– Вот, слышал? – Андрей значительно поднял вверх палец. – Теперь как у нас!

– Похоже, это Феня кричит, – как-то отрешённо проговорил Керогазов, не отводя остекленевшего взгляда от горящего в топке огня.

– Нет, это не Феня, – Кряж посмотрел на будильник, – Феня придёт через час.

– Кряж! Помогите! у меня отнимают бутылку! – снова слышался отчаянный крик.

– Действительно, Феня... Так рано! – удивился Андрей. – Ты здесь подожди, а я мигом слетаю, – он сделал успокоительный жест Керогазову, который сидел, как одеревеневший, на стуле, и... исчез.

Через минуту в квартиру донеслись приглушённые оконными стёклами болезненные крики и мат, а через тройку минут на пороге восстал Феня Грек.

Петя... Ты?! – оторопело застыл он, как будто увидевши призрак. При этом правый глаз его очень сильно раскрылся, а левый, заплывший громадным фингалом, смотрел через щёлочку.

Но вместо ответа от мнимого призрака Грек получил тычок в спину от стоящего сзади Андрея Кряжа:

– Да проходи же ты, тютя. Конечно, это Петруха. Вот я его сразу узнал.

– Я тоже узнал... – неуверенно поддержал его влетевший в прихожую с небольшим ускорением Феня. – Давайте... Выпьем за встречу. Я чачу у одного грузина купил. Все магазины разграблены. Водки и нету. А чача хорошая. Грузин этой чачей живёт. Сам гонит и сам продаёт.

– Стаканы тащи, поэт доморощенный, – вновь оборвал его Кряж и поставил бутылку на стол.

С бутылки пронзительно-строго смотрел на присутствующих горец-орёл. В папаче, с кинжалом и газырями, стоял он на буквах, с виду вроде грузинских: «Грузинская чача. Чистейшая энергия гор».

Грек разлил по стаканам «энергию гор». Андрей выпил с ходу. Грек отпил глоток и, задохнувшись, закашлялся. А Пётр Петрович пить вовсе не стал. При запахе чачи лицо его передёрнула брезгливая судорога.

Возникла тяжёлая пауза. Все трое смотрели друг на друга озадаченно-тупо. Молчание первым нарушил Андрей:

– Ты что нам принёс, гад?! – он грубо схватил Феофана Феофановича за тщательно отглаженный лацкан.

– Чачу... – пролепетал обескураженный Грек и опустил глаза свои вниз, не выдержав дикого взгляда взбешённого скульптора.

– А из чего она сделана – твоя чача? – второй лацкан

Грека был безжалостно скомкан могучей рукой.

– Из косточек... виноградных... – тоскливо отвечал ему Феня.

– Из человеческого говна она сделана. Эта чача, – вдруг неожиданно для самого себя подал голос Пётр Петрович. – Волею судеб, – тут он стеснительно кашлянул, вспомнив огненно-рыжую фурию, – сегодня я оказался у очистных сооружений города. Там все резервуары переполнены забродившим говном. Воняет оно точно так же как ваша чача.

В комнате стало вдруг удивительно тихо и... душно. Так тихо и душно бывает только перед грозой.

– Убью, гад! – громыхнул вдруг Кряж басом и, рванув за грудки, вознёс Феню Грека на воздух. – Говном напоил, скотина! Говном! – Кряж неожиданно как бы о чём-то задумался, затем отпустил побледневшего Феню и, как сумасшедший, бросился в туалет.

Через секунду-другую из-за закрытой туалетной двери донеслось утробное «а-а-а!». Прошло, наверное, минуты две или три, прежде чем утробные звуки сменились рычанием унитаза. Из туалета скульптор вышел зелёный и слабый, но умиротворённый. С гадливостью он посмотрел на бутылку с горделивым горцем и опустошённо сказал:

– Поехали морду бить... Грузину. У которого чача.

– А если он всё-таки из косточек гонит, а не из говна?! – осмелился наконец возмутиться некультурным поведением собутыльника Грек. – Ты чачу, Андрей, эту когда-нибудь пил?! Нет, не пил! А, может быть, ему эти косточки из Грузии поставляют?

– В бочках с говном. – некстати брякнул Пётр Петрович.

Кряж дико взглянул на него и снова позеленел, но, вместо того чтобы бежать в туалет, решительно направился к двери: «Поехали морду бить. Хватит болтать!» Однако на полпути он остановился, словно наткнувшись на стену: «А чёрт! А бензина-то нету!»

– А ты в бензобак этой дряни плесни, – кивнув на бутылку, вновь «пошутил» Керогазов.

Но Кряж неудачную шутку принял всерьёз:

– А что! У меня автомобиль беспородный. Жрёт всё. А ну-ка, Феня, проверь, горит эта дрянь или нет.

Грек взял непочатый, наполненный чачей стакан и плеснул его содержимое в жерло буржуйки. Из печки рванулось неистовое оранжево-красное пламя. А следом за ним из Фениной глотки рванулся неистовый вопль. Кряж долго молчал, разглядывая физиономию Грека, напоминающую шкуру свежеопалённого поросёнка, после чего заключил: «Ну, кажется, эта чёртова чача горит и вместо бензина сгодится».

Уже через четверть часа горбатая, жёлтая, напоминающая обмылок дешёвого мыла машина Кряжа бежала по городским переулкам. От беспородной машины разило жутчайшим перегаром сивухи, смешанном... с запахом шпрот. За неимением автомобильного масла её заправили маслом из съеденных шпротных консервов.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Г-НО,

превращённое Генриеттой Ивановной в ФЕКАЛИИ

По городским окраинным улицам беспородный автомобиль бежал шустро и весело. Однако движение его резко замедлилось, после того как он въехал в фешенебельные кварталы. Здесь, на безлюдных, напрочь лишённых движения улицах, валялись разрозненные башмаки, какие-то стулья, разбитые телевизоры и магнитолы, а также другие, совершенно непредсказуемые предметы.

«Вот сукины дети! – не выдержал Кряж, объезжая новёхонький, кем-то брошенный холодильник, – Разграбили всё! Все улицы захламили! Таких надо хватать и стрелять! Твою мать!!!»

Последнее довольно импульсивное выражение скульптора обращено было к тем, кого надо было «хватать и стрелять!». Пустынную улицу перед самым автомобилем пересекал караван угрюмых мужчин, гружённых большими, плотного картона коробками.

Один из неспешно бредущего каравана остановился и непонятно зачем поставил коробку как раз перед мордой работающей вхолостую машины. Кряж тут же нажал на клаксон, и мелкий автомобиль заревел, словно мамонт, идущий в атаку.

«Гудок я от большегруза поставил», – пояснил перепуганным пассажирам Андрей. – Так прикольной».

Но доисторический рёв на лицах суровых мужчин вызвал только усмешку. А тот, что поставил коробку подошёл к боковому стеклу и легонько в него постучал.

– Куда так спешишь, братан? – просипел он открывшему дверцу Андрею.

Однако с ответом Кряжа упредил Феня Грек, которому в голову (слегка запоздало) ударила чача. Он вылетел пулей из автомашины и запальчиво прокричал наглецу: «Вы почему загораживаете проезжую часть?! Вы что не видите – люди торопятся? Едут морду бить за плохой самогон?!»

Сиплоголосый верзила вскинул кулак. Грек сказал: «Ой!» и прикрыл рукой глаз. Теперь уже правый.

– Ну не дурак ли ты, Фенечка? – проворчал укоряюще Кряж, не без труда выбираясь из мелкогабаритной машины, как медведь из тесной берлоги. А выбравшись, рывкнул уже совсем по-медвежьи: «Эй вы, говнюки! Давай налетай!»

Из «говнюков» подошли сразу двое. Один из них тут же упал, сражённый могучим ударом Кряжа. Второго Андрей схватил и, взметнув над собой, швырнул в мародёров, которые повалились – как кегли. Кряж оглянулся – суровые мужики все лежали вповалку. Он с сожалением выругался и полез обратно в машину.

Автомобиль тихо тронулся, и через десять минут компания оказалась уже на центральной площади города. Здесь Кряж тормознул.

– Петруха, – повернулся он к Керогазову, – ты хочешь памятник себе посмотреть?

– Кому-кому памятник? – недоумённо переспросил его Пётр Петрович.

– Кому-кому?! – передразнил его Кряж, – Тебе, пентюх! А кому же ещё? – и не без гордости тут же прибавил: – Моя это вещь! Ты, пентюх, хоть что-нибудь слышал о постэкспрессионизме?!

Пётр Петрович неохотно выбрался из машины, взглянул на памятник и... обомлел. Он был исполинским. Высота его достигала десятиэтажного дома. Однако на Керогазова огушительное впечатление произвели не размеры, а весьма необычная композиция монумента. Сам Пётр Петрович был воплощен скульптором в виде портретно узнаваемого могучего льва. Льву-Керогазову пасть раздирала какая-то дама очень

высокая и очень худая, с виду похожая на корабельную мачту. Из керогазовской пасти, на которую был нахлобучен специальный гофронамордник, высоко извергался застывший в бронзе фонтан. «Петру Петровичу Керогазову, волею Судеб благодетельствовавшему родной город», – прочитал на гранитном постаменте ошарашенный Пётр Петрович.

– В основу композиции, – между тем пояснял Кряж, – легла легенда о Самсоне, раздирающем пасть могучему льву. Самсон – это иносказательно Судьбы, а лев – это ты пентюх. Ты представляешь, – Андрей сокрушённо развёл руками, – когда над скульптурой работал, нормального мужика для модели не мог подобрать. Одни говнюки. Вроде тех, что к нам по дороге пристали. Пришлось мне унижаться: Пегасину слёзно просить, чтобы она для Самсона позировала. Ну что? Тебе нравится? – не выдержал Кряж молчания Керогазова.

– Да пошёл ты! – вяло пробормотал Пётр Петрович и, расстегнув ширинку (благо вокруг никого не было), начал мочиться на высеченные в граните скрижали.

– Скотина неблагодарная, – беззлобноотреагировал на выходку приятеля Кряж. – А между прочим. сам Ркацители приезжал. Маститый. Академик. Смотрел. Молчал. И...поражался.

Спутники потихоньку влезли в машину и покатали на другой конец площади. Там полыхала пожаром городская ратуша. Возле горящего здания сновали добропорядочные обыватели. Они хватали какие-то диваны, шкафы и, облепив их, как муравьи, тащили в ближайшие переулки. Когда машина поравнялась с горящей ратушей, мародёры всё побросали и словно зачарованные уставились на неё. Андрей зачем-то нажал на клаксон, и машина взревела. Застывшие в гипнотическом трансе грабители ожили: задвигались, засутились и снова потащили уворованное добро по домам.

Остаток пути проехали без приключений. Машина остановилась на самой окраине города, возле какого-то унылого

трёхэтажного дома. Когда-то он, видимо, был окрашен весёлой, солнечной краской, однако сейчас безнадежно облез, местами до серой, пигментными пятнами проступающей штукатурки. Поднялись на третий этаж, и тут Феня Грек растерялся: забыл, где брал самогон. Однако в растерянности гости пребывали недолго. Одна из квартирных дверей распахнулась, и на пороге, словно чёрт, выходящий из преисподней, восстал... Свистоплясов.

– Мурзил Мурзилицы! Какими судьбами?! – нимало не удивился Никита Сергеевич воскресшему Керогазову.

Ответом ему был дружный удушливый кашель. Зловонный пар, ударяющим в нос острым запахом спирта впоремешку с дерьмом, лишил ненадолго гостей дара речи. От шока первым оправился могучий Андрей. Он вытер слезящиеся глаза и незамысловато сказал:

– Свисток. Говори, где грузин. Иначе морду бить будем тебе.

– Да вот же грузин! – Никита Сергеевич предательским жестом Иуды указал на стоящего позади него чернокожего молодца.

– Ганнибалов! Скотина! – сказать, что Кряж удивился, – значит ничего не сказать. – Ты русским недавно был! А теперь грузином заделался?!

– Я подданство грузинское принял, – ответил ему абиссинец, что-то деловито жуя.

– А ты?! Ты куда смотрел, олух?! – не разбирающийся в тонкостях международной юриспруденции Кряж набросился на безмолвно стоящего Феню. – Ты что не видел, у кого эту чачу брал?!

– Они – через щёлочку, – Грек покаянно смотрел на Андрея, – Дверь приоткрыли: «Грузинская чача». Я туда – деньги. А они мне – бутылку. Правда, рука была чёрная. Я тогда ещё удивился: неужели в Грузии негры живут?

Правдивые глаза бессовестно обманутого Фени взывали к отмщению. Свирепый взгляд скульптора переключался на бесстыжего абиссинца:

– Ты, гад, зачем людей говном поишь?

И в этот довольно напряжённый момент чёрт дёрнул Петра Петровича, по-видимому, из чистого любопытства снять крышку с чана, стоящего возле стены, и кратко прокомментировать виденное: «Говно натуральное. Да бродит-то как хорошо». Андрей стал в мгновение ока багровым. «Убью!» – заорал он, как сумасшедший, и, очень легко оторвав здоровенного абиссинца от пола, швырнул его в стену. Как мокрая тряпка, Ганнибалов припечатался к грязным обоям и сполз в чан с фекалиями, который минуту назад открыл Керогазов.

И тут наступила ПРЕДУБИЙСТВЕННАЯ тишина. По крайней мере, так думали и Феня, и Пётр Петрович, и даже потомок абиссинских монархов, надломанным чёрным тюльпаном прислонившийся к стенке. А вот, что думал по этому поводу Кряж, осталось неясным, поскольку предубийственную тишину нарушил деликатный, предупредительный кашель, раздавшийся возле входа в квартиру. Все обернулись и увидели вошедшую неприметно... Генриетту Ивановну Пегасину.

– Всем здравствуйте, – мило улыбнулась Пегасина, кокетливо поправляя свои локоны, окрашенные в яркий, огненный цвет, – Гуляла вот... С собачкой. Смотрю знакомый автомобильчик стоит. Решила забежать поинтересоваться: чем заправляли?

– Чачей, – зло проворчал Андрей.

– А чача из чего?

– Из косточек, – слабым голосом откликнулся сидящий в чане с дерьмом Ганнибалов и после некоторого раздумья добавил: – Виноградных.

– Из говна они эту чачу делают, Генриетта Ивановна! Из гавна! – запальчиво и торопливо уличил его во лжи правдивый Феня.

– Значит, из ФЕКАЛИЙ, – произнесла Пегасина так нежно и проникновенно, что этой фразой моментально превратила

вонючее г-но в какие-то... ФИАЛКИ, которых аромат столь «тонок и чарующ», – И где вы их берёте? Эти ФЕКАЛИИ?

– В уборных берём, Генриетта Ивановна, – бодро ответил ей Никита Сергеевич, сразу сообразивший, что врать в это ситуации бесполезно и вредно.

– В уборных много не возьмёшь... – проговорила Пегасина раздумчиво, будто решая сложную задачу.

– Я знаю, где много гов... Много фекалий, – почему-то вновь против своей воли произнёс Пётр Петрович и выступил из-за могучего Кряжа, за которым спрятался при виде огненноголовой начальницы.

– Ба-а-а! – удивлённо протянула та. – И Керагазов здесь! Наш Человек-Фонтан. Н-у-у! И где же много этих самых... фекалий?

– Фекалий очень много в очистных сооружениях. Волею Судеб... – тут Пётр Петрович с опаской посмотрел на огненно-рыжую Пегасину, но после паузы смущённо кашлянул и бесшабашно махнул рукой. – Я там бывал!

– А зачем вам столько фекалий? – подобострастно спросил любознательный Грек.

– Чачу будем гнать и продавать! – заговорщицки подмигнул ему Свистоплясов.

А Пегасина всё улыбалась, глядя задумчиво и мечтательно в чан с фекалиями, который уже освободил Ганнибалов, будто бы там, в вонючей, лениво пузырящейся жиже, вдруг расцвёл необычайно красивый цветок. Вдруг лицо Генриетты Ивановны стало привычно сухим, аскетичным и жёстким и она проговорила, презрительно глядя куда-то в пространство: «Что ж... вы все, дураки, спасены. И я, кажется, тоже».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ОН

чачу с наслаждением пьёт...

По 2-й Резинстроевской медленно двигалась разрисованная заснеженными, горными вершинами автоцистерна. На её боковине горели калёно-красные буквы: «ЧАЧА – чистейшая энергия гор». Цистерна проехала на автозаправку, где к ней подошла уже немолодая и полная женщина. Служащая заправки взяла у водителя накладные и, переваливаясь, точно гусыня, неторопливо и вяло, направилась к служебному помещению, но в спину ей внезапно ударила грубая ругань. «Да я тебе, паскуда, ноги из задницы выдерну! Да я тебе глаз на жопу натяну – телевизор сделаю!» – надсадно и хрипло кричал мужской голос. От неожиданности служащая вздрогнула, обернулась. Но грязная, беспардонная брань относилась не к ней. Водитель орал на мальчишку с баллончиком аэрозоля, который пытался неприметно подобраться к цистерне. «Я тебе нарисую пердячего человечка!» – исходил он от злости слюной. Я тебе так наподдам, что будешь сам пердеть, лететь, радоваться!»

Когда шофёр слегка поутих и перестал грозиться убежавшему пацану, к нему неуклюжей, старой гусыней подковыляла служащая автозаправки:

– А я уж думала, Петя, что это ты на меня... как когда-то...

На что водитель лишь махнул раздражённо рукой:

– Иди-иди! КНЯЖНА ТАРАКАНОВА!

Он зло торкнул в приёмное устройство шланг от цистерны и, словно не замечая перед собой с жалкой, просящей улыбкой стоящую женщину, уставился вверх, на горящую калёными, красными буквами вывеску: «ЧАЧАЗАПРАВКА».

...Минул год со дня памятной встречи с Пегасиной на квартире «грузина». За прошедшее время Генриетта Ива-

новна организовала и заставила работать на полную мощь акционерное общество по промышленному изготовлению чачи для... заправки автомобилей.

Не все горожане сразу поверили, что какая-то «говённая чача» заменит им высококачественный бензин Керогазова. Первые ездящие на чаче автомобили в народе даже прозвали «пердячими». А хулиганы-мальчишки на их пыльных капотах рисовали человечков с колёсиками. Из зада человечка стремительно вырывался то ли пар, то ли дым, а длинные волосы веяли на встречном ветру, обозначая безумную скорость, с которой он мчался.

Когда Генриетта Ивановна впервые увидела автомобиль с подобным рисунком, её поразил внезапный столбняк. Но, выйдя из столбняка, она сделала умный и решительный шаг: акционерное общество заказало Андрею Кряжу рекламный видеоклип, прославляющий чачу. Кряж выступил в роли режиссёра блестяще.

Клип начинался с картины дорожного перекуса. Возле шоссе, за столом, Свистоплясов наливает себе и Елене два гранёных стакана из полуведёрной бутылки с надписью «ЧАЧА». Вокруг поют птички, трепыхаются листочки и синие колокольчики жмутся к коленям (крупным планом) девицы. Но вдруг раздаётся ужасающий грохот и вся идиллическая картина покрывается облаком сизо-чёрного дыма. Из чёрного облака вываливается чёрный, как дьявол, потомок абиссинских царей и дико вопит: «О горе мне! Горе! У моей жены такие тяжёлые роды! А я, как всегда, забыл заправить машину!»

Порывом ветра чёрное облако разом уносится, и обнажается «обмылочная» машина Кряжа. В салоне виднеется чей-то громадный живот (едва ли не выше руля) и маленький остренький носик Лили (за кадром звучит женский душе-раздирающий стон).

– Возьмите вот это! – Елена выхватывает бутылку из рук Свистоплясова и протягивает её Ганнибалову.

– Но это же чача, а не бензин! – изумляется тот.

– Да, чача, – Свистоплясов бесстрастно смотрит на бутылку.

Тут просто Елена в мгновение ока превращается в Елену Прекрасную. В порыве восторга она простирала руки к машине: «Так пусть эта чача! Эта чистая энергия гор! Спасёт эту мать и это дитя!»

Ганнибалов не мешкая заливает самогон в бензобак. Садится за руль. Вновь всё взрывается и задымляется, как при взлёте ракеты. Когда дым рассеивается, жёлтой машины на шоссе уже нет.

Клип завершается так же, как начинается, – идиллически. «Обмылочная» машина Кряжа. На её капоте – ведёрная бутылка самогона. Рядом с бутылкой – Ганнибалов, Свистоплясов, Елена. С цветами. Немного поодаль – Лили. Без цветов. С шоколадным младенцем. Все пятеро (включая младенца) тычут пальцами в автомобиль неизвестной породы и хором скандируют:

Он чачу с наслажденьем пьёт!

Сам едет и тебя везёт!

Успех рекламного клипа был сумасшедший, и вскоре уже почти все горожане ездили на «пердячих» машинах. И в каждой из них на заднем стекле красовался плакатик с младенцем: «Он чачу с наслажденьем пьёт...» Плакатики бесплатно выдавали на автозаправках.

Горючее появилось, и по улицам города, словно кровь по артериям тела, побежали автомобили. Пекарни, в которые давно уже не завозили муку, вновь заработали, и обыватели, как в старые добрые времена, по утрам пили кофе со свежими, хрустящими булочками. Как будто бы сами собой исчезли грабежи и разбой. Жизнь стала спокойней, безопасней и тише. Казалось, она возвращается в прежнее «докатастрофное» русло, но многое-многое из того, чем жили горожане до взрыва, безвозвратно кануло в Лету.

С исчезновением Человека-Фонтана поток приезжающих в Керогазов моментально иссяк. Смотреть в этом городе, увы, стало нечего. Стремительно позакрывались публичные дома, казино. По непонятной причине обыватели не желали вместо богатых туристов просаживать бешеные деньги в рулетку и из своего кармана оплачивать содержание армии проституток. Как равно они не желали и покупать консервные банки, которые при вскрытии жутко стонали. Киоски с вывеской «Стон Керогазова» исчезли неприметно и тихо, как первый снег после мелкого осеннего дождика.

События, столь изменившие город, в конечном итоге сказались и на жизни его обитателей. Иные, как, например, Генриетта Ивановна, сумели взлететь на волне перемен. Иных эта волна утопила. В числе последних оказалась и княжна Тараканова. Громадные деньги, которые к ней притекали от продажи керогазовской нефти, внезапно иссякли, и она разорилась. Утоп в накатившей волне и известный подлётный рыбак Иван Иванович Сидоров. Его, как и всех поголовно обывателей города, одномоментно лишили халявных дотаций. Теперь бедолага-рыбак сидел в холодной квартире и (в какой уже раз) пересчитывал свою грошовую пенсию, не понимая, как на такие деньги можно прожить.

И так-то вот многие, очень многие в Керогазове. Сидели, считали, мусоля бумажную мелочь, жалея ушедшие золотые деньки, а о Человеке-Фонтане, которому были обязаны эти дни, уже и не вспоминали. Но, положив руку на сердце, Пётр Петрович был этим только доволен. В последнее время он изменился: стал раздражителен, желчен и зол. Работал обычным шофёром. Ни свет ни заря поднимался с постели и развозил авточачу по автозаправкам. Вот и сегодняшнее хмурое утро не стало для него исключением...

Насос, перекачивающий горючее из цистерны, чихнул и умолк. Пётр Петрович уже взялся было за шланг, но взгляд его ненароком упал на рекламный плакат с шоколадным младенцем и он в изумлении замер. За этим плакатом стояла... королева!

Коров в городке давненько уже не водилось. Все горевали и жаловались, что живут очень плохо, однако никто не желал пачкать руки в хлеву. Пётр Петрович, позабыв обо всём, подошёл к незамеченной им сразу бурёнке и принялся её с интересом рассматривать, но вдруг... рассмеялся.

И что здесь смешного? Корову Пегасина привезла. Рекламу чаче хочет устроить, – пояснила Пиония, прилипшая словно банный лист к Керогазову и не отходящая от него ни на шаг. Но, взглядевшись в бурёнку, она в ужасе всплеснула руками: «Ой! Что же я теперь Генриетте Ивановне скажу?» На шерстистом коровьем боку несмываемой краской был нарисован пердячий человечек, стремительно мчащийся на колёсиках.

Пётр Петрович уже не смеялся, а откровенно ржал жеребцом. А Тараканова стояла столбом, не зная, что делать. Так и застала их нагрянувшая с неурочной проверкой Пегасина.

2010–2014 г.

СТИХИ

* * *

Есть купол шапито. Сочащийся дождём.
И мы. Кривляющиеся на его арене.
Ночью... Днём...

* * *

Надломлен яблоневый сук.
Зияет белой рваной раной.
Он весь... в благоухающих цветах.
Охваченный предсмертной,
но Божественной нирваной.

* * *

Вот нежный персик. Бархатист и мягок.
Но в сердцевине скрыта кость, как сталь.
Ты наслаждайся им. Но помни, что непрочна.
Хрупка твоих зубов эмаль.

* * *

Есть сила стали, что крушит и режет.
А есть другая. Нежная, живая.
И между ними – бесконечный спор.
Так кто сильнее? Глаза, смотрящие с любовью?
Или отточенный стальной топор?

* * *

Портрет. Весёлый красный нос.
И губы нарисованы в улыбке.
И лишь в глазах – усталость и тоска.
Жизнь на арене восхитительно легка.

* * *

Два дерева. Две вековых сосны. Сплелись
корнями, словно две сестры. Стоят над
пропастью и меж собой гадают:
«Кто упадёт скорей?» Как будто бы не знают.

* * *

О дивный, восхитительный напиток.
Смесь лжи и правды. Пьётся так легко.
Яд проникает слишком глубоко.

* * *

Спи, дитя. Спокойной ночи.
Ангел белый пролетел.
Чтобы ты сомкнула очи,
Песню нежную пропел.

* * *

Долгий взгляд из-под ресниц. Синие глаза.
Подожди. Не уходи. Я хочу сказать...
Я хочу сказать тебе... Впрочем, что сказать?
Лучше в море твоих глаз утону опять.

* * *

Твоё тело – в сладостном распятыи.
Твои щёки тронуты зарёй.
Ты кричишь, сомкнув свои объятья.
Ты молчишь. И я... вместе с тобой.

* * *

Змеинный. Пристальный холодный взгляд.
Сочится речь. Отравлена, как яд.
Ты о любви мне нежно говоришь.
А, кажется, ужалить норовишь.

* * *

Нежный пух. И белый атлас крыльев.
Плач птенца – ребёнка на бетонной полосе.
Рёв громадной птицы из металла...
Крови сгусток. На рифлёном колесе.

* * *

В камзоле красном с посохом мужик.
Он пьян своею можжевельковой проклятой.
К её убойной силе он привык.
А мне она башку сносит гранатой.

* * *

Я слаб. Я пьян.
Смотрю на небо бесконечно синее и облака.
Господь! Ты пред собою видишь дурака.

* * *

Тёплый вечер. Белый снег летит.
И вьётся.
Мальчик ловит тополиный пух.
Смеётся.

* * *

Стихи читаю я.
Про сакуру. Про первый снег. И облака.
Глаза поэта вижу я.
Через века.

* * *

Я не гадаю: есть Господь или нет.
Он для кого-то – с розгами наставник.
А для меня он просто – тёплый свет.

* * *

Сиянье золотом облитых куполов.
И крест, надменно с высоты глядящий.
Твердь скованных гранитом берегов.
И караул колонн, в строю стоящих.
Что это? Сирый монастырь?
Приют монахов, пренебрегших благом мира?
Средь Селигера, синевой залившего всю ширь, –
Сияет гордо отблеск Северной Пальмиры!

* * *

Два Дома. Два величественных Храма.
Какой из них милее Богу кров?
Веками кровоточит спор как рана.
Так где же Бог? И где его любовь?

* * *

Как ты прекрасна, восхитительна, Европа!
Поля, дома, улыбки и... клозет.
Но всех приятней видом и красивей –
Иглою пронзивший небо минарет.

* * *

Какой роскошный, яркий фейерверк!
Как он огнями мастерски играет!
Но счастье мастера, что он совсем не знает.
Лишь Солнца луч и всплеск огней померк.

* * *

О счастье! Золотистой дымки эйфория!
Любой из нас счастливым хочет быть.
Всё очень просто. Хочешь жить красиво?
Так... мордой в грязь. Чтоб было, что отмыть.

* * *

В углу испуганные жмутся кабачки.
От злости пунцовеют помидоры.
От подлой и предательской руки –
Арбуз смертельно ранен... Всё раздоры?
Нет. Это – повар. Как отъявленный бандит,
На кухне он с отточенным ножом.
И жутко луком от него разит.
И кость он рубит зверски топором.
Обед не терпит. Смертный приговор –
Всем овощам безжалостно свершится.
И только сморщенный, зелёный помидор –
Жить будет. Он в салаты не годится.

* * *

В мою подмышку впился клещ лесной.
Он тем живёт –
Что кровь чужую пьёт.
А я?.. А я её не пью.
Я кровяную колбасу жую.

* * *

Есть дивный остров: море, солнце, пляжи.
И добрый ненавязчивый народ.
Там зимним вечером смертельной скуки ради –
Ругаясь матом, водку хлещет киприот.

* * *

Какая ослепительная грань!
Как солнце в ней смеётся и играет!
Бриллиант на синем бархате сверкает?
Стекло. Фальшивка вводит нас в обман.

* * *

О чудная, пленительная скрипка! Так
дивно, восхитительно поёшь... Небесный
голос. Чистый, звонкий, гибкий. Которым
ты... Так вдохновенно лжёшь.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ	
СКВЕРНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ, случившееся с Петром Петровичем Керогазовым после развесёлого празднования его собственного юбилея	3
ГЛАВА ВТОРАЯ	
СПЕКТАКЛЬ на асфальтовой сцене.....	10
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	
ЧЕЛОВЕК – ПРЕЗЕВАТИВ против человека – фонтана.....	15
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ	
КАФЕ «ШЕР АМИ» заведение насколько возвышенное настолько и приземлённое.....	19
ГЛАВА ПЯТАЯ	
ПОТОМОК абиссинских царей.....	24
ГЛАВА ШЕСТАЯ	
ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ПАВЛОВ, естествоиспытатель и Академик.....	31
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	
АРИСТОКРАТЫ питейного заведения.....	36
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	
ГНЕЗДО Т-СКОЙ ГУБЕРНИИ, кишащее столбовыми дворянами.....	43
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	
ТОНКАЯ СВЯЗЬ между божественной музыкой Моцарта и ковровыми бомбардировками некоего испанского города.	50
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	
СТОН КЕРОГАЗОВА, вызывающий грусть и... веселье.....	55
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	
КОСТЁР, превратившийся в бушующее пламя пожара.....	62
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	
«ОСЕННЯЯ РАДОСТЬ» мадам Таракановой.....	68

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ	
ХИМЕРА	
немецкого специалиста доктора Штайнера.....	73
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ МОК,	
еврей, поляк и грек одновременно.....	79
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ	
ВЕЛИКАЯ СТРОЙКА	
на земле Керогазовской.....	86
ГЛАВА ШЕСНАДЦАТАЯ	
КЕРОГАЗОВСКИЙ БРОЙЛЕР,	
чемпион среди курлингистов.....	89
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ	
РАЙ	
на земле Керогазовской.....	94
ГЛАВА ВОСЕМАДЦАТАЯ	
СОГЛАШЕНИЕ,	
обмытое в кафе «Шер Ами».....	98
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ (часть 1)	
БЕЗУМНАЯ РАДОСТЬ,	
подаренная Керогазовым – человеком Керогазову-городу.....	102
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ (часть 2)	
БЕЗУМНАЯ РАДОСТЬ,	
подаренная Керогазовым-человеком Керогазову-городу.....	105
ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ	
ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ	
или паническое бегство Петра Петровича	
от огненной фурии.....	110
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ	
АВТОМОБИЛЬ НЕИЗВЕСТНОЙ ПОРОДЫ,	
работающий на чистой энергии гор.....	115
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ	
Г-НО,	
превращённое Генриетой Ивановной в ФЕКАЛИИ.....	121
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ	
ОН	
чачу с наслаждением пьёт.....	127
СТИХИ	132

Для ЗАМЕТОК

Владимир Евгеньевич Малиновский

**КЕрогазов –
город, НЕ ЧЕЛОВЕК**

Фантазия на заданную тему...

Оформление обложки *П.С. Громова*

Корректурa *Ю.л. Василевская*

Публикуется в авторской редакции

Подписано в печать 21.04.2014 г.

Формат 31x45/8, Бумага офсетная.

Печать цифровая. Усл.п.л.20

Гарнитура Arial. Тираж 100 экз.

Заказ № 88

Издательство «РЭД», Тверь, Петербургское ш., д. 93, к. 1
тел. (4822) 510-255